ОТЧИЙ ДОМ

Метальников Будимир Алексеевич родился в Москве в 1925 году. В 1954 году окончил сценарный факультет ВГИКа. В 1956 году вышел первый фильм по его сценарию — «Крутые горки». Сценарий «Березы в степи» был написан в соавторстве с Б. Теткиным. Этому сценарию присуждена вторая премия на первом Всесоюзном фестивале советских кинофильмов (1957). Последней работой Б. Метальникова является сценарий «Отчий дом», по которому на Московской киностудии им. М. Горького поставлен художественный фильм под тем же названием.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Б. МЕТАЛЬНИКОВ

Отчий дом

Киносценарий

Государственное издательство
«Искусство»
Москва 1960

Летнее утро в одном из арбатских переулков. Дворники наводят последнюю чистоту на тротуарах, поливая их из шлангов. Открываются двери магазинов перед ранними покупателями. И совсем еще пуста в этот утренний час парикмахерская.

По переулку идет почтальон, полная пожилая женщина.

Вот она вошла в парадное и стала медленно подниматься по лестнице, рассовывая в почтовые ящики газеты, письма и журналы.

На одной из дверей — медная дощечка с каллиграфически выведенной надписью: «Доктор Скворцов П. Н.». Если присмотреться, то можно заметить, что две последние буквы врезаны значительно позднее.

Почтальон просунул в щель наружного почтового ящика «Правду», «Медицинский ра-

ботник» и «Литературную газету», потом, перебрав пачку писем в руке, нашел письмо и опустил туда же. И стал подниматься выше.

...В квартире Скворцовых было еще тихо. Хозяйка Елена Николаевна, полная, начинающая седеть женщина, в халате, но тщательно причесанная, хлопотала в кухне у плиты.

Сняв кофейник, она прошла с ним в столовую, обставленную старинной резной мебелью, окинула накрытый стол озабоченным хозяйским взглядом и пошла звать мужа.

Павел Николаевич в пижамной куртке сидел за письменным столом в своем кабинете и что-то писал.

Елена Николаевна постучала в дверь, потом приоткрыла ее и позвала:

— Паша, иди завтракать!

— Спасибо, иду! — не поворачиваясь, ответил он, продолжая писать...

В другой комнате стройная девушка лет восемнадцати причесывалась перед зеркалом. И вся эта комната, солнечная и уютная, заметно отличалась от других комнат квартиры. Вместо кровати здесь была тахта, покрытая цветным ситцем, в углу стояла радиола с открытой крышкой и оставленной на ней пластинкой. На стене висел фотоаппарат, а на полочке над тахтой, прислоненная к книгам, стояла фотография Улановой в роли Джульетты.

— Танюша, мы ждем...

— Иду, мамочка...

Таня бросила на себя последний взгляд в зеркало и вышла в столовую.

Все сидели уже на своих местах. Павел Николаевич и Елена Николаевна ели котлеты, а у Таниного прибора стоял дополнительно стакан сметаны.

Таня тотчас же отодвинула его в сторону и принялась за котлету.

— Таня! — с упреком сказала Елена Николаевна.

— Мамочка, ты знаешь, что я ненавижу сметану...

— Это не еда, а лекарство. Ты что, хочешь, чтобы я тебя рыбий жир заставила пить?..

— С какой стати?

— А потому, что смотреть на тебя страшно — одна кожа да кости остались! Паша, повлияй хоть ты на нее!

— Да ну вас, — добродушно отмахнулся Павел Николаевич. — Надоели вы мне с вашими спорами. — Отхлебнув глоток чая, он поставил стакан на место и огляделся по сторонам...

— А где же газеты?

— Паша, можешь ты хоть в воскресенье...

— Леночка, прости, но чай без газеты все равно что без сахара...

И он вышел из столовой.

— Ты вчера опять поздно пришла... — заметила Елена Николаевна.

— Не беспокойся, меня проводили.

— Кто? — насторожилась Елена Николаевна.

— Никто, — засмеялась Таня... — Миша.

— А-а... Он поедет с вами на Кавказ?

— Хочет, но мы вряд ли возьмем его...

— Ну что же он? — посмотрела Елена Николаевна на дверь и покачала головой. — Наверное, опять стоит и читает в прихожей... Паша!

Ответа не было.

Тогда она поднялась и пошла в прихожую.

— Паша! Все стынет...

Она осеклась, увидев расстроенное и взволнованное лицо Павла Николаевича, который, наморщив лоб, стоял возле двери в кухню, откуда шел свет в темную переднюю, и держал в руках письмо, что незадолго перед тем опустил почтальон в их ящик.

— Что случилось?

— Вот! — упавшим голосом коротко ответил он и показал ей конверт.

Взглянув на письмо, Елена Николаевна тихо ахнула и всплеснула руками.

— Уже?!.. Что же теперь будет? Дай! — Она порывисто протянула руку за письмом. — Дай, я спрячу!

— Зачем? — слегка пожал плечами Павел Николаевич, поспешно отдергивая руку.

— Ну подождем хоть несколько дней! Паша! Я очень прошу! — умоляюще сказала Елена Николаевна.

— Какой смысл? — горестно возразил он.

Но Елена Николаевна уже была не в состоянии выслушивать никаких доводов. И, захваченная одной мыслью оттянуть несчастье, все твердила:

— Дай! Дай! Я не могу так сразу. Мне надо привыкнуть.

— Леночка, не нужно, — тоже очень взволнованный, Павел Николаевич по-прежнему держал руку за спиной.

Они не заметили, как из столовой вышла Таня. Она не успела еще расслышать, о чем говорили родители, но, увидев, что один держит за спиной письмо, а вторая протягивает за ним руку, решила принять участие в игре. Быстро подбежала она, выхватила письмо из рук Павла Николаевича и засмеялась, приплясывая и не замечая их смятения.

— Ага! Вот тебе! Не будешь дразниться! На, мама! — Она обошла Павла Николаевича и подала письмо Елене Николаевне. Елена Николаевна поспешно потянулась к нему, но Павел Николаевич отстранил ее руку.

— Нет. Это письмо тебе, Таня.

— Мне? — удивилась Таня и взглянула на конверт. — Правда...

Она хотела уже распечатать его, но Елена Николаевна остановила ее и обернулась к мужу.

— Что ты смотришь? Нельзя же так сразу! Нужно хоть подготовить... объяснить...

— К чему подготовить? — изумилась Таня и встревожилась. — Товарищи, что происходит?

Павел Николаевич озабоченно потер переносицу и заговорил:

— Дело очень серьезное, Танюша. Это письмо... Понимаешь, когда мы тебя взяли из детского дома, нам сказали, что твоя мать

погибла при бомбежке какой-то станции. А теперь вот... Оказывается, она жива. К нам уже приходили, разузнавали насчет тебя... Извини, мы тебе не сказали тогда... Надеялись, что это ошибка... А теперь вот... это письмо от твоей матери.

Таня с тревогой и недоумением посмотрела на конверт. Это еще никак не укладывалось в ее сознании.

— И что я должна теперь делать? — растерялась она.

— Ничего! Ничего! — бросилась вдруг к ней Елена Николаевна. — Ты ведь нас не бросишь, правда? Неужели мы для тебя теперь...

Она обняла ее, стремясь заглянуть в глаза, и не договорила из-за сжавшей горло спазмы. А Таня, увидев слезы в ее глазах, сразу же заволновалась.

— Ну что ты, мама! Я с вами ни за что не расстанусь. Это вы мои родители, а больше я никого не знаю и никого мне не надо. Ну не плачь!.. Пожалуйста!.. Ну хочешь, я совсем не буду читать это письмо... Вот, пожалуйста! — И она отдала письмо Елене Николаевне.

Та, не отдавая себе отчета, порывисто схватила его. Павел Николаевич, до сих пор сдержанно молчавший, нахмурился:

— Не надо, Лена, отдай...

— Почему? — наивно и горестно спросила Елена Николаевна. — Она сама отдала его...

— Потому что она не может видеть твоих слез... А мы не должны давить на нее в этом вопросе...

— А что же, я радоваться должна? — запальчиво и как будто уже враждебно воскликнула Елена Николаевна.

— Прежде всего мы должны быть справедливы. Все мы — и я, и ты, и Таня. Только это поможет нам пережить все...

Он мягко, но решительно отобрал у нее письмо и вернул Тане.

— Ты должна прочитать его...

— Сейчас? — с надеждой, что это необязательно, спросила девушка.

— Лучше уж сразу...

Таня медленно распечатала конверт, прочла первые строчки, и лицо ее сразу же изменилось. Пропали растерянность и недоумение, оно стало сосредоточенным и серьезным.

Сдвинув брови, она оторвалась от письма и посмотрела на нетерпеливое лицо Елены Николаевны, на Павла Николаевича, который казался бесстрастным, хотя это была просто привычка сильного и мудрого человека стойко встречать несчастье.

— Вот, слушайте! — тихо сказала она и начала читать вслух сначала:

«Здравствуй, драгоценная доченька Танюшка... Пишет тебе это письмо твоя родная мать Наталья Авдеевна Буянова. Семнадцать лет я все плакала о тебе день и ночь. Спасибо добрым людям из Красного Креста, что помогли сыскать тебя. Отписали они мне, что ты живешь у хороших людей. И я им низко кланяюсь за ихнюю доброту, а только сил моих не стало больше жить в разлуке. Была бы я одна, так бросила бы все хозяйство и при-

ехала в Москву. Да не могу оставить своего папашу, твоего дедушку Авдея Егоровича, который уже старый и больной.

Приезжай, милая доченька, хоть на денек. Очень тебя прошу, потому что ни о чем мы с дедушкой и думать теперь не можем, только о тебе. И совсем уж мы извелись от тоски.

А живем мы хорошо. Есть у нас корова по пятому году, курей пятнадцать штук, да картошка, да из колхозу получили кое-что... Так что не сомневайся насчет пропитания и отпиши скорей, когда приедешь.

Кланяются тебе кума Василиса Даниловна и кум Федор Михайлыч и двоюродный дядя твой Трофим Мокеич, а других сродственников у нас нет.

На том остаемся твоя родная мать Буянова Наталья Авдеевна и дедушка Авдей Егорыч».

Таня кончила читать, помолчала, вздохнула и с какой-то потерянной усмешкой сказала:

— Вот, оказывается, сколько у меня родственников...

Ей никто не ответил. Все подавленно молчали, изредка взглядывая друг на друга и почему-то отводя глаза. Тишина становилась угнетающей. Вдруг раздался резкий звонок у входной двери.

Все вздрогнули, обернулись к двери, но никто не пошел открывать.

Звонок прозвенел еще раз...

— Ну кто там еще?.. — с досадой пробормотала Елена Николаевна и открыла дверь.

Вошла молочница, пожилая женщина в старенькой жакетке, больше похожей на мужской пиджак, и в резиновых сапогах.

— Здравствуйте! Будете нынче молочко брать?

— Молоко? — недоуменно спросила Елена Николаевна. — Ах, молоко!.. Ну, конечно, будем...

Но сама не сдвинулась с места. Будь это в другой день, никто бы не обратил внимания на молочницу, а сейчас все, и особенно Таня, стали рассматривать ее, как будто увидели впервые.

— Так как? Будете брать? — нерешительно спросила она.

— Ну, конечно! — спохватилась Елена Николаевна.

— Таня, дай кастрюлю.

Таня положила конверт на стол, прошла в кухню и, принеся кастрюлю, поставила ее на стол в прихожей.

— Два, как всегда, — сказала Елена Николаевна.

— Вы уж не обессудьте, — виновато заговорила молочница. — Бабы наши третий день на рынке по три рубля торгуют, а я все по два с полтиной. Вот и я хочу... — но, увидев по-прежнему устремленные на нее глаза и истолковав это по-своему, молочница вдруг смутилась и махнула рукой. — Ладно уж, как вы старые покупатели, пусть вам будет по два с полтиной...

Торопясь и плеская из кружки, она налила молоко, взяла деньги и поспешно, вскинув

бидон на спину, вышла, недоуменно оглянувшись в дверях...

— Хоть бы уж в городе каком-нибудь она жила, — разглядывая конверт, уныло сказала Таня. — А то в деревне!

Никто не ждал Таню на пустынном перроне маленькой железнодорожной станции.

Мимо прошла девочка с корзиной малины в пакетиках и остановилась поодаль, с любопытством рассматривая ее.

Дежурный, равнодушно взглянув на нее, скрылся в здании станции, Таня осталась одна.

Обогнув здание станции, она вышла на небольшую площадь. Было жарко и пустынно. По площади бродили, роясь в пыли, куры. В тени забора развалилась рыжая собака с высунутым языком. Отмахиваясь головой от оводов, стояла запряженная лошадь возле чайной.

И вдруг Таня увидела, как к чайной подъехала и остановилась грузовая машина. Из кузова выпрыгнула женщина и бегом устремилась к станции. Это была худощавая женщина лет пятидесяти, в сапогах и жакетке, похожей на мужской пиджак, на голове был у нее нарядный цветной платок, из-под которого выбились черные с проседью волосы. Лицо у нее было темное, но черты его строгие и правильные. Должно быть, в молодости она была хороша собой. Увидев Таню, Наталья Авдеевна умерила бег, а потом и вовсе перешла на шаг, не отрывая от нее глаз и машинально поправляя на ходу волосы.

Таня уже почувствовала, что это ее мать, но не смогла сделать ни шага ей навстречу и только вглядывалась, вглядывалась, вглядывалась в ее лицо.

Наконец Наталья Авдеевна подошла и остановилась в двух шагах. И еще несколько мгновений длилось молчание, пока она, наконец, тихо спросила:

— Таня?

Таня как будто лишилась голоса и смогла только кивнуть.

— Доченька! — еще тише, не то простонала, не то вздохнула Наталья Авдеевна, протянула руки и шагнула к ней.

Таня покорно отдалась этому объятию и позволила Наталье Авдеевне прижать свою голову к ее груди. Но лицо у нее при этом было чуточку напряженное и покорное, как у воспитанных детей, которые позволяют ласкать себя чужим людям.

...Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за все
Ты отдай мне жену...

высокими, пронзительными голосами поют подвыпившие, раскрасневшиеся бабы. В избе Буяновых полно гостей. Шум, гам, махорочный дым, а больше всего, пожалуй, пение, совсем доконали несчастную, оглушенную Таню. Пиршество достигло уже той стадии, когда забывают о его виновниках и всяк развлекается, как хочет и умеет.

Из мужчин только двое подпевали женщинам: Мокеич — высокий, худой человек лет пятидесяти с острыми скулами, и безрукий Федор — мужчина лет сорока, бледный с глубоко сидящими глазами.

Танин дед, высохший до костей старик, с темной худой шеей и пепельно-седой щетиной, одинаковой на голове и на бороде, хвастался перед другим стариком бумажником тисненой кожи:

— Видал, какая вещь?

— Вещь добрая, — согласился тот, колупая ногтем бумажник. — Да только ни к чему она тебе!

— Это как так ни к чему?

— А что ты в ём беречь будешь? Денег у тебя сроду не было...

— Ну сказал! — возмутился дед Авдей. — В деньгах дело, что ли? Главное, внучка уважила! А ты — деньги!

Статная, красивая женщина лет тридцати трех, не принимавшая участия в пении, вдруг замахала руками:

— Хватит голосить! Перемени музыку! — обратилась она к гармонисту, вяло подыгрывавшему бабам. — А то тянут, как нищего...

— Эй, Стешка! Ты чего распоряжаешься? — рассердилась на нее полнотелая, краснощекая женщина с узенькими заплывшими глазками. — Не нравится — уходи!

— А я плясать хочу! Вон с твоим Федором... Как, Федор, спляшем? — обернулась Стешка к безрукому.

— Можно! — улыбнулся Федор.

— Я тебе попляшу! Сиди где сидишь! — прикрикнула на мужа толстуха.

Федор замялся. Стешка насмешливо посмотрела на него и отошла к Наталье Авдеевне, хлопотавшей у самовара возле печи.

— Есть у тебя булавка? Дай-ка на минутку...

Получив булавку, она вернулась к Федору.

— На-на вот, держи!

— Это зачем? — удивился Федор.

— Пришпиль себя к ее юбке. Обоим вам спокойней будет.

Федор потемнел лицом, но все равно улыбнулся:

— Ежели тебе со мной пошутить охота, то поищи меня, когда я один буду. А на людях нечего языком боронить...

— Так тебя жена никуда одного не пускает, — улыбнулась Стешка.

— Федор! — не слыша из-за шума их разговора, но чувствуя что-то недоброе, крикнула и стала вылезать из-за стола кума... Стешка с готовностью обернулась к ней, вызывающе подбоченилась.

Наталья Авдеевна быстро оценила взглядом ситуацию и, подхватив Стешку под руку, отвела ее в сторону.

— Ну что ты, Степанида! Не можешь без скандалу? Что я тебе такого сделала, что ты мне радость испортить хочешь?

Стешка взглянула на нее и успокоилась немного.

— Помоги вот лучше, посуду ополосни, а то, я вижу, совсем моя девка сомлела, —

оглянулась мать на Таню, на лице которой ясно читалось страдание.

Стешка взяла у нее полотенце, а Наталья Авдеевна поманила пальцем Таню.

Та сразу встрепенулась, с великим облегчением стала выбираться из-за стола.

— Душно тебе? — спросила ее мать. — Хочешь на улицу выйдем?

Таня живо кивнула и пошла за ней.

...Через крытый двор они вышли в огород позади избы. Близилась ночь. На закате еще горела сильным зеленым светом добрая половина неба. Печально и монотонно трещали сверчки.

— Садись, — показала Наталья Авдеевна на старую коряжину и села первая. — Оглушили тебя бабы?

— Да... — неопределенно протянула Таня.

— Ты на них не серчай. Это мужики часто гуляют, а нашей сестре редко доводится... Ну и рады, веселятся, как умеют. У нас ведь все просто, по старинке... Не дали нам гости поговорить с тобой... Значит тебе еще два года учиться?

Таня кивнула.

— Это хорошо, — обрадованно подхватила мать и как бы невзначай добавила. — У нас тут ведь в школе тоже учителей недохватка.

Но Таня невольно посмотрела на нее с таким недоумением, что та смутилась... и поспешила перевести разговор.

— Мало ты гостить-то собралась... Может, поживешь недельку, а?

Таня быстро затрясла головой.

— Нет, не могу!

Наталья Авдеевна пристально посмотрела на нее и вздохнула.

— Не понравилось тебе тут?

— Нет, что вы, не поэтому, — опять попыталась возразить Таня... — Просто у меня дела...

— Да уж вижу... Так это спервоначалу... А вот кабы пожила подольше, привыкла бы...

Таня опять промолчала.

— А какие же у тебя дела в Москве? Ты говорила, вам до сентября не учиться...

— А это... не в Москве, — замялась Таня. — Мы компанией на Кавказ собрались...

— А-а, — протянула Наталья Авдеевна с недоумением, переходящим в обиду...

В это время до них донеслись громкие голоса. За углом избы появились Стешка и худощавый, щуплого вида мужчина лет тридцати пяти с давно не бритой рыжеватой щетиной.

— А я говорю, пошли домой! — решительно требует он.

— Чего я там не видала? — хмуро отвечает Стешка, останавливаясь.

— Как — чего? Я, чай, три недели дома не был! Это тебе нипочем? На гулянье тебе интересней?

Стешка презрительно фыркнула и повернулась, намереваясь уйти. Мужчина схватил ее за руку.

— Стеша! — уже просительно заговорил он. — Ну почему ты такая неласковая со мной? Ведь я тебе муж! Можешь ты меня хоть уважать? Добром прошу!

— А как ты еще меня просить можешь? — вызывающе спросила Стеша.

— Ну вот я и прошу добром. С утра маковой росинки во рту не было! Трудно тебе что ль накормить человека?..

— Ну ладно, пошли! — неохотно буркнула Стешка и пошла за ним. Их изба была соседняя с избой Буяновых.

— Муж приехал! — заметила Наталья Авдеевна.

— Откуда? — безучастно спросила Таня.

— Отходник. Ходит с топором по округе. Большие деньги зарабатывает! А в колхоз — не заманишь... А что ж ты будешь делать на Кавказе?

— Как — что? По горам ходить, отдыхать.

Наталья Авдеевна оживилась.

— Господи! А у нас нешто нельзя отдохнуть? И речка такая чистая, и малина, и грибы... Еще лучше отдохнешь!

— Да нет... Меня ведь товарищи ждут... И потом, — Таня обрадовалась новому аргументу, — ведь уже деньги за туристскую путевку заплачены...

— Много денег?

— Четыреста двадцать рублей.

— О-о! — сокрушенно заметила Наталья Авдеевна.

Вдруг раздался звон разбитого стекла, и из окошка Стешкиной избы вылетел сапог.

— Что это? — Испуганно вскочила Таня, оглядываясь. — Неужели он бьет ее?

— Вряд ли... он... — усмехнулась мать.

И в самом деле, на крыльцо избы вылетел

растрепанный Стешкин муж, воровато оглянулся по сторонам, не заметил ли кто чего, и принялся торопливо свертывать папиросу, делая вид, что ничего не случилось...

Таня медленно покачала головой. Все, что видела она, до сих пор было дико и чуждо ей. Наталья Авдеевна, понимая это, горестно вздохнула и потупилась.

И вот Таня уже лежит на кровати, поставленной в углу сеней. А Наталья Авдеевна заботливо подтыкает со всех сторон одеяло, ласково приговаривая:

— Ну вот и ладно. Тут тебе и попрохладней и воздуху поболе... Не жестко?

— Нет, хорошо, спасибо, — вежливо отвечает Таня.

— А может тебе, еще тулупчик на ноги накинуть?

— Нет, спасибо, и так тепло.

— Ну, спи, касатка. — Наталья Авдеевна робко склонилась над ней, намереваясь поцеловать ее, но Таня закрыла глаза, и она так и не решилась сделать это.

Потом пошла в избу.

— Уложила? — спросил дед.

Наталья Авдеевна молча покивала головой, напряженно раздумывая о чем-то.

— Да-а,— прокряхтел дед.— Дичится девка. Поди, не покажется ей тут, а?

— Ой, спи ты, ради бога! — с досадой ответила Наталья Авдеевна и выключила свет.

Ночь. В деревне осталось два-три огонька...

Луна катится по небу, то ныряя, то выныривая из облаков. Чутко прислушиваясь к ночным звукам засыпающей деревни, лежит с открытыми глазами Таня.

Вот глухо и заливисто пролаяла собака. Ей ответила другая.

Потом где-то прокричал петух. За ним — второй, третий. Петушиная перекличка все приближалась, и вот — Таня даже вздрогнула от неожиданности — совсем рядом, над головой, оглушительно захлопал крыльями и заорал петух Буяновых.

Стихла петушиная перекличка, и ветерок принес издалека переливы гармони. И только Таня немного успокоилась после испуга, как кто-то над самым ухом громко и печально вздохнул, а потом гулко стукнул в стену, у которой она спала. Это была корова.

И наконец, когда Таня уже совсем засыпала, где-то включили радио и странно прозвучал деловито-будничный голос диктора:

— Передаем шахматный выпуск последних известий...

Потом что-то свистнуло, пискнуло, и послышались звуки рояля.

Под них Таня и заснула...

...И вдруг на крыльце послышались глухие шаги. Тихонько звякнула щеколда, и дверь открылась. Освещенный луной, возник на пороге силуэт мужчины.

Медленно направился он к углу, в котором спала Таня, оступился, задев за что-то, и тихо пробормотал:

— Ч-черт!

Зажег спичку и замер от удивления, увидев спящую Таню...

Он уже хотел отойти, но задел ногой чугунок, тот покатился и стукнулся о пустое ведро.

Таня открыла глаза и в страшном испуге вскочила, натягивая одеяло на плечи и поспешно убирая под него ноги.

— Что вам тут надо?

— Простите, пожалуйста! — взмолился мужчина. — А вы кто?

— То есть как — кто? А вы?

— Я... видите ли...

В это время открылась дверь из избы, и появилась встревоженная Наталья Авдеевна...

— Кто тут? А-а, Сергей Иванович! А мы думали, ты в Поповке заночуешь. Я вот дочку тут уложила.

— Приехала наконец? — Сергей Иванович снова с улыбкой оглянулся на Таню... — Ну хорошо... Тогда я в правление пойду, там пересплю...

— Зачем? Я твою постель на сеновал вынесла. Ступай ложись.

— Ага... Ну извините еще раз. — Снова обернулся он к Тане и вышел...

— Это председатель наш, — пояснила Наталья Авдеевна. — Он у меня на квартире стоит, потому как сам из городу. Напугал он тебя?

Таня смущенно кивнула и стала снова укладываться спать.

— Ну спи безбоязно... У нас тут лихих людей нету...

— Кто-о, кто-о, кто-о такая? — словно спрашивает большая рыжая курица, вытягивая шею и разглядывая спящую Таню.

Таня открыла глаза и с недоумением уставилась на курицу.

— Кишь! — Махнула на курицу рукой Наталья Авдеевна. Она сидела в ногах у Тани и смотрела на дочь.

Таня увидела мать, но выражение недоумения прошло у нее только после того, как Наталья Авдеевна ласково заговорила с ней:

— С добрым утром, доченька! Ну как тебе спалось?

— Спасибо! Очень хорошо! — первый раз улыбнулась Таня, и мать так и просияла от ее улыбки.

— Ну, вставай. Я тебе сейчас оладушек напеку... — И она пошла в избу...

Таня вошла в избу и спросила:

— А где у вас умываться?

— Сейчас, сейчас я тебе солью! — засуетилась Наталья Авдеевна. — А то, может, на речку проводить?

— Умываться? — улыбнулась Таня.

— А что? Речка у нас рядом, под горой.

— Тогда я сама...

По крутой тропинке, вьющейся меж кустов и зарослей бурьяна, она спустилась к речке и ахнула, пораженная открывшейся картиной.

Вся гладко-зеркальная поверхность пруда перед плотиной была сплошь усеяна свеже-

белыми цветами кувшинок. Могучие, разлапистые ветлы свешивались над водой, созерцая свое отражение.

Женщины, недалеко от плотины, на мостках колотили белье, и влажные шлепки неслись по реке.

А на том берегу двое голых мальчишек купали гнедых коней прямо в расплавленном золоте отраженного солнца.

На плотину вышел мельник, поднял еще одну вешку, и сразу ровный шум падающей воды повысился еще на одну ноту.

Как зачарованная стояла Таня у реки, забыв про умывание.

...А когда она, раскрасневшаяся, с мокрыми после купания волосами, вернулась, ее встретил на крыльце Сергей Иванович. Сейчас при свете солнца он показался ей совсем другим. Это был суховатый, подтянутый человек лет сорока, с седоватыми висками, глубокими складками вокруг рта и внимательными темными глазами.

— С добрым утром! — улыбнулся он ей. — Вот решил вас дождаться, извиниться за вчерашнее. Сильно я вас испугал?

— А я уже забыла. Все заспала, — улыбнулась и Таня, на которую он произвел хорошее впечатление.

— Ну, давайте познакомимся. Никитин Сергей Иванович.

— Таня!

— Ну как? Понравилась вам наша речка?

— Очень! Никогда в жизни не видела столько кувшинок. Даже на рынке!

Сергей Иванович улыбнулся.

— Места здесь удивительные. Я вот все ездил, ездил сюда в отпуск да, как видите, и совсем остался...

— Простите, а откуда ездили?

— Из Ленинграда.

— Вы ленинградец? — обрадованно спросила Таня.

— Да, инженер-строитель, а теперь вот здешний ворон... — Он сделал широкий жест в сторону деревни. — Может, пока там завтрак вам готовят, проводите меня до правления? Кстати, деревню посмотрите...

— Пойдемте! — охотно согласилась Таня, которой он все больше нравился.

...И вот они идут по широкой деревенской улице. То и дело им встречаются люди, которые приветливо и дружелюбно здороваются с Сергеем Ивановичем и с любопытством рассматривают Таню.

— А к вам, я вижу, здесь хорошо относятся? — замечает Таня с легким удивлением.

— Не жалуюсь... Вот, пожалуй, мой единственный враг,— усмехнулся он, завидя Стешку, которая нарочно перешла улицу, чтобы не здороваться с председателем. А когда они прошли, обернулась, провожая их удивленным взглядом.

— А почему? — спросила Таня, имея в виду Стешку.

— Даже не знаю. Но почти не бывает случая, чтобы она при встрече не устроила какого-нибудь скандала...

— А я вчера видела... хотя, ладно, — засмеялась Таня, махнув рукой. — Не буду сплетничать...

В это время из переулка показались спорящие о чем-то Федор и Мокеич.

— Сергей Иванович! — обрадовался Федор и только потом заметил Таню. — Здравствуй, крестница. Сергей Иванович! Такое дело, бычка продают в колхозе «Заря». Вот бы купить!

— Своих бычков ему мало! — ввернул Мокеич.

— Да что толку-то. Это же не простой бычок. Элита! Чистокровный холмогор! Папаша евоный на выставку каждый год ездит.

— Денег нет, — вздохнул Сергей Иванович.

— А это уж хоть церковь ограбить — а пять тысяч достать надо! А? Сергей Иванович!

— Ну из тех, что на авансирование, не дам, — угадав его мысль, ответил Сергей Иванович.

— Ну, а если из строительных?

— Незаконно! — встрепенулся Мокеич.

— Ну не повесят же нас за это.

— Ладно! — Махнул рукой Сергей Иванович. — Стадо нам нужно улучшать. Берите из строительных пять тысяч и поезжайте.

— Пять тысяч! — вздохнул Мокеич.

— Плюшкин! — подмигнул в его сторону Федор.

Тане стало скучно слушать их, и она медленно пошла дальше.

А к председателю подошел полный неряшливого вида мужчина. За спиной он прятал

сумку, из которой выглядывало горлышко поллитровки.

— А, председатель, здорово! Слушай, подкинул бы парочку подсобников — быстрее бы дело пошло.

— Пить надо поменьше, вот оно и будет быстрее, — заметил Федор.

— А ты не встревай! — обозлился мужчина. — Я не с тобой говорю и не суйся не в свое дело.

— Как это не его дело, — остановил его председатель. — Людей-то у него брать придется. Он бригадир, вот с ним и разговаривай.

— А нечего и разговаривать, не дам и все! — отрезал Федор. — За такие деньги и самим не грех поработать.

— Ах так? Ну тогда и вы с нас темпу не спрашивайте!

— Нет, спросим! Да еще как! Так что пошевеливайтесь, курорта тут вам не будет! — отрубил председатель и стал догонять Таню.

— Кто это? — спросила она.

— А, рвачи! — с досадой махнул он рукой. — Дикая артель строителей. Послушал я дураков, ну и нанял их коровник новый строить, а теперь и сам не рад. Маловато у нас людей, Таня, вот беда. На весь колхоз сто тридцать семь трудоспособных...

Таня с любопытством посмотрела на него.

— А не скучаете вы по Ленинграду?

— Бывает иногда! — чистосердечно признался Сергей Иванович. — А больше некогда... Тут такое творилось! Это ведь был самый запущенный колхоз в районе...

— А когда вы приехали сюда? — спросила она.

— Зимой.

Несколько шагов они прошли молча. Потом Таня заговорила снова:

— Знаете, я все-таки не понимаю. Как это вы, человек интеллигентный, городской, да еще ленинградец, и вдруг очутились здесь?

— Видите ли, Таня, для меня это было не совсем вдруг... — начал было Сергей Иванович.

Но тут его снова окликнул какой-то старик, махавший ему рукой из-за плетня перед домом...

— Извините! — сказал Сергей Иванович и пошел к нему...

Таня кивнула и медленно пошла дальше.

Улица кончалась как бы небольшой площадью. На одной стороне ее была большая изба с выцветшим флагом над крыльцом. Тут помещались сельсовет и правление колхоза. А перед ним, огороженный недавно выкрашенным заборчиком, возвышался небольшой цементный обелиск, увенчанный звездой.

Таня направилась к нему, и когда подошла поближе, то увидела, что на обелиске высечены слова: «Живущие вам бесконечно должны»...

Сзади подошел Сергей Иванович.

— Хорошие слова, — задумчиво сказала Таня.

— Да. Я видел такие на одной братской могиле под Ленинградом, и вот тут тоже сделали...

— И никто, наверное, не знает, кто здесь похоронен... что это за люди, о чем они мечтали...

— Про двоих я знаю, — тихо сказал Сергей Иванович. — Коля Чудов, земляк мой. И Виктор Пашинцев. Часы все любил починять.

— Как? — Таня обернулась к нему. — А-а... Вы здесь воевали?

Сергей Иванович молча кивнул. И опять с удивлением, к которому прибавилось теперь и уважение, посмотрела Таня на этого человека, словно заново разглядывая его.

— Да, — вспомнил Сергей Иванович, несколько смущенный этим разглядыванием, — вы, кажется, о чем-то спрашивали меня, перед тем как меня отозвали?

— Да нет, ничего... — качнула головой Таня. — Я пойду, а то меня ждут. Мы, наверное, увидимся вечером?

— Конечно! — И Сергей Иванович пошел в правление.

Ярко сверкая на солнце никелированными боками, пыхтит на столе самовар. Дед уже пьет чай, шумно схлебывая с блюдца. Наталья Авдеевна подает Тане тарелку с румяными оладушками и с надеждой смотрит — понравятся ли?

— Ну как? — не выдерживает она.

— Вкусно! — кивает Таня.

Довольная улыбка появляется на лице матери.

— Вот с молочком, с молочком! Ты какое молоко больше любишь — топленое или парное?

— Я? А я... — Таня пожала плечами и засмеялась, — я не знаю. Мне мама только кипяченое...

Наталья Авдеевна быстро опустила глаза: «мама» резнуло ее. Таня тоже почувствовала неловкость и уткнулась в кружку... Только дед ничего не заметил и продолжал смеяться тоненьким смешком...

— Значит, не знаешь? Ну вот ужо вечером попробуешь, как корову пригонят... Парное молоко — самое пользительное, в ём, значит, все витамины еще тепленькие, живые, значит, — пошевелил дед растопыренными пальцами, изображая «витамины». Но тут и он заметил какую-то неловкость, воцарившуюся за столом, и замолчал. Потом поспешил затеять разговор на деловой лад:

— Надо нам, Наталья, бросить утренним молоком торговать. Танюшку вон надо отпаивать. Слышь, что ли?

— Ладно, — рассеянно ответила Наталья Авдеевна. Но дед рассердился на такую невнимательность.

— Да ты не ладь, а вникай в этой дело. Вон она какая замореная. Нешто они в городе такое молоко видят? Утреннее молоко, — пояснил он, оборачиваясь снова к Тане, — самое густое, а вот полдневное — уже жидкое, это, значит, оттого, что росы корова наглотается... Смекаешь?

— А вы тоже торгуете молоком? — упавшим голосом спросила Таня. И на миг ей

представилась на месте матери их городская молочница.

— Да, приторговываем. У Егоровых корова ялова осталась, вот они и берут, значит, у нас для снохи с мальчонкой... Ну и другие когда берут...

У Тани сразу пропал аппетит.

— Спасибо! — она отодвинула кружку и вышла из-за стола... Рассеянным взглядом она окинула избу, и внимание ее привлекла огромная аляповатая кошка из папье-маше, стоящая на старинном рассохшемся комоде с неплотно закрывающимися ящиками.

Невольная ироническая улыбка мелькнула у нее на губах, когда она пощелкала кошку ногтем. Потом она снова рассеянно стала оглядываться, томясь отсутствием какого-либо дела и пребыванием в этом доме.

Наталья Авдеевна внимательно следила за ней.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась молоденькая, стройненькая, быстроглазая девушка. Она быстро стрельнула глазами прежде всего на Таню, а потом с озабоченным видом обратилась к Наталье Авдеевне:

— Здравствуйте! Тетя Наташа, у тебя не будет ниточки черненькой? Прямо обыскалась, нигде не найду!.. — И снова уставилась на Таню, с живым любопытством рассматривая ее и с готовностью улыбаясь ей.

— Ниточки, говоришь? — усмехнулась Наталья Авдеевна. — Ладно уж, не лукавь. Поди познакомься. Это дочка моя. Вот тебе, Танюша, и подружка. Это Нюрка, соседка наша...

— Очень приятно! — церемонно подала Нюрка руку лодочкой. — Нюра.

— Таня.

Девушки с улыбкой посмотрели друг на друга, обе, видимо, понравились друг дружке, но не знали еще, что сказать.

— Какое платьице у вас красивенькое, — сказала наконец Нюрка. — Это Фигаро, да?

— Фигаро!

— Вот аванс получу, тоже себе такое сошью, вы мне поможете раскроить?..

— А я... не умею, — смущенно улыбнулась Таня... — То есть умею, но плохо, наверно...

— Ну мы как-нибудь вдвоем справимся, правда?

— Можно попробовать...

— Ну идите погуляйте, чего вам в избе сидеть, — улыбаясь, заметила Наталья Авдеевна.

— А правда, пойдемте, я вам все покажу! — предложила Нюрка.

И девушки вышли из избы...

— Вот это хорошо. Танюшке повеселее будет,— заметил дед.— А то не заскучала бы...

Наталья Авдеевна не ответила. Озабоченно нахмурившись, она подошла к комоду. Взяла кошку и попробовала засунуть ее в ящик комода, но кошка туда не влезала...

— Ты чего? — забеспокоился дед. — Чем она тебе помешала?

— Не нравится она Танюшке, вот что! — качнула она головой.

— Да с чего это ты взяла? Хорошая кошка, чисто серебряная. И не мявкает.

— Молчи, дед, ничего ты не понимаешь! Не нравится ей и кошка наша и все! — с горечью ответила Наталья Авдеевна и понесла кошку куда-то в сени...

Таня и Нюрка бежали по цветущему разнотравью. Потом, остановившись у опушки, Нюрка неожиданно вздохнула:

— Какая вы все же счастливая! Вот теперь у вас и мама есть и дом свой...

— Я жила у хороших людей, Нюра... Очень хороших! — невольно призналась Таня.

— Ну что вы! Тетя Наташа тоже очень хорошая, вот увидите. Вы надолго приехали?

— На неделю.

— Так мало? — Нюрка широко открыла глаза и недоуменно покачала головой. — А я вот у тети живу. Она так ничего... только жадная очень... — На мгновение Нюрка нахмурилась, потом снова встрепенулась. — А вот там у нас родник... Вода в нем — как лед! Побежали?

Солнце уже клонилось к вечеру, когда уставшая, еле волочащая ноги Таня вернулась домой.

Натальи Авдеевны не было видно. Дед сидел на табуретке и старался с помощью зубов завязать узел на обмотанном тряпкой пальце...

— Ага, пришла. Ну-ка помоги завязать.

— Что с вами?

— Топором невзначай тюкнул... Такая беда, и глаз уж не тот, и руки не слушаются.

— Так зачем же вы работаете? Да еще топором! Вам уже нельзя!

— О! Сказала тоже! А что же мне теперь, только мух давить? Этак еще скорее ноги протянешь!..

Таня завязала узел и отошла...

— Есть небось хочешь? Сейчас мать соберет...

Таня подошла к комоду и стала смотреть на фотографии, висящие над ним. Их было три.

— Дедушка, — спросила она, кивая на одну из них, где был изображен пожилой мужчина в черной косоворотке. — Я давно хотела спросить... Это, наверное, мой отец?

— Да... Он самый... Орел был.

— Он во время войны погиб? — тихо спросила Таня.

— В сорок третьем...

Таня оглянулась на деда. Он строго и требовательно смотрел на нее. Но она не знала, чего от нее требуют, и смутилась.

— А это? — осторожно спросила она, чтобы не молчать.

— А это твой брат Ваня. Трактористом был. А потом танкистом. Тоже погиб...

Таня уже боялась спросить про третью фотографию. Но отступать было некуда.

— А это... тоже он? — с надеждой спросила она про третью фотографию.

— Нет, — горестно качнул головой дед. — Это наш младшенький... Петя.

И так как Таня страшилась спросить, что с ним, то дед скорбно и строго сказал сам:

— Он тоже убитый... Под Ржевом...

И вдруг Таня увидела, что в дверях стоит Наталья Авдеевна, которая слышала весь этот разговор. Она вздрогнула и со страхом посмотрела на мать. А та смотрела на нее, и лицо у нее тоже было строгим, как у деда. Но вот что-то дрогнуло в нем.

Казалось, ее мысль уже простилась с погибшими сыновьями и мужем и целиком устремилась к ней.

И Таня понимала, что нельзя стоять так, что сейчас должно что-то произойти, очень важное для них обоих. Но... что-то удержало ее, она не могла сдвинуться с места и, не выдержав взгляда матери, потупилась.

И это бегство от нее болезненно отразилось на лице Натальи Авдеевны, но она быстро взяла себя в руки и, может быть, только с чуть преувеличенным интересом к тому, что вовсе ее сейчас не занимало, заговорила:

— Сейчас девчонка Василисина полное лукошко малины принесла. Значит, пошла уже. Ты любишь малину?

— Малину? — с недоумением спросила Таня и, тут же принимая игру, поспешно ответила: — Да, ее хорошо с молоком есть.

— Ну вот и славно. Малина будет, молоко тоже, ешь на здоровье... Сейчас я вам обедать соберу...

И она скрылась за печкой, где на полке хранилась посуда.

Таня проводила ее благодарным взглядом.

И вот в миску с малиной наливается молоко. Дед Авдей радушно предлагает Сергею Ивановичу подсесть к столу.

— Сергей Иванович, отведай!

— Да куда там, ей самой мало, — смеется Сергей Иванович. — Где собирали?

— На Мельничихиной поляне, — отвечает Таня, отправляя ложку в рот, и зажмуривается от удовольствия. — Ох, вкусно! Садитесь, Сергей Иванович. Тут много, всем хватит.

— Ну разве это много. Вот через недельку уже ведрами можно набирать будет!

— Чего-то Наташка не идет, не видать ее в окно? — спросил дед.

Таня выглянула в окошко.

— Она с тетей Дашей и еще с кем-то разговаривает.

И в самом деле, Наталья Авдеевна, идя от колодца, встретила нескольких женщин, и они разговорились.

— А ну покличь-ка, чего она там? — попросил дед.

Таня высунулась было в окно и даже уже открыла рот, но промолчала, растерянно оглянулась на деда и стала вылезать из-за стола.

— Куда ты?

— Пойду позову,— уклончиво ответила Таня и выбежала из избы.

— Вот, Сергей Иванович, какие, значит, пироги! — пожаловался дед Авдей. — Никак матерь родную не называет. Ни мамой ни по имени-отчеству, ровно она безымянная какая-то.

...Когда Таня приблизилась к женщинам, те замолчали, видно было, что разговор шел о ней.

— Здравствуйте! — поздоровалась Таня и обратилась к матери. — Вас дедушка зовет...

— Сейчас иду, — ответила мать.

Таня пошла обратно. Одна из женщин, провожая ее глазами, заметила Наталье Авдеевне:

— А с уважением к тебе дочка... На «вы» величает...

— Да-а... — неопределенно вздохнула Наталья Авдеевна и подняла коромысло с ведрами. — Ну пойду, раз кличут...

Переодетая в старую юбку, Наталья Авдеевна повязывает платок, низко надвигая его на глаза. Сергей Иванович просматривает какие-то бумаги.

— Сергей Иванович! — позвали его с подъехавшей к избе брички.

— Иду! — крикнул он в окно и спросил Наталью Авдеевну: — Управитесь дня за два с огурцами?

— Ой, нет, страсть как позарастало! Подбавил бы народу — управились.

— Где же его взять? Ну я зайду потом, посмотрю... Ну а вы, Таня, что будете делать?

— Не знаю, — вздохнула она... — Нюры нет, а одной как-то вроде и делать нечего...

— Нюрочка на ферме первая работница! — тепло заметил Сергей Иванович. — Знаете, я когда приехал сюда — там полный развал был. Зима, скотина голодная, навозу столько, что, того и гляди, коровы к потолку хвостами примерзнут. Доярки разбежались — одна Нюрка сидит в уголке и плачет. Ну мы тогда с ней вдвоем все коровники и вычистили. Золото, а не девушка!..

— Это верно! — подтвердила Наталья Авдеевна.

Сергей Иванович окинул Таню внимательным взглядом и неожиданно предложил:

— А сходили бы вы вместе с Натальей Авдеевной на прополку. Все веселее, чем от скуки изнывать...

— Я? — искренно удивилась Таня. — Я не умею, наверное.

Наталья Авдеевна оживилась:

— А и правда, пойдем, дочка. Я тебе все покажу, что к чему. Дело нехитрое.

Таня заколебалась, искоса взглянув на мать, повязывающую фартук из мешковины.

— Там, наверное, грязно?..

— Какая же это грязь? — удивилась Наталья Авдеевна. — Просто земля!.. Давай, я тебе фартук подвяжу! — она сняла с себя фартук и хотела надеть его на Таню...

— Нет, не надо, лучше я так... — Ей не захотелось надевать поверх своего довольно нарядного платья грязный фартук...

Женщины, работавшие на огороде, как по команде подняли головы, разглядывая подходящую с матерью Таню...

— Ого! Нашего полку прибыло! — весело заметила одна.

— Подмога дюжистая! — съязвила Стешка. — Что же ты вырядилась, ровно на гулянку собралась?

— А у меня другого нет, — смутилась Таня.

— Ишь ты, богато живешь!

— Отцепись, репей! — сердито сказала ей Наталья Авдеевна.

Стешка взглянула на нее, усмехнулась, но замолчала.

— Иди-ка сюда, — позвала Таню мать, отходя на свободный ряд. — Гляди!

Она раздвинула руками густую траву и показала Тане чахлый огуречный кустик с бледно-желтым цветком.

— Видишь, какие у него листочки? Мохнатенькие, а цветочки желтенькие. Это огурцы. Их вот и оставляй, а остальное все вон!

И она так быстро общипала вокруг него сорную траву, что Таня чуть ли рот не открыла от удивления.

— Поняла?

Таня кивнула.

— Только я не смогу так быстро...

— Это ничего. Начинай отсюда, и все прямо так и иди.

А солнце подымалось все выше и выше. В синем небе журчали невидимые жаворонки,

над ними, неподвижно распластав крылья, парил коршун, а еще выше, суля хорошую погоду, быстро плыли, разрываясь на клочья и тая, маленькие снежно-белые облака...

Женщины пололи уже на дальнем конце огорода, а Таня прошла всего несколько шагов...

Потом они повернули в обратную сторону.

Первая поравнялась с Таней Маша, полная круглолицая девушка.

— Умаялась? — сочувственно спросила она.

— Спина занемела, — смущенно улыбнулась Таня, потирая поясницу.

— Это с непривычки. Ничего, вот вечером пойдем купаться, и все как рукой снимет! Пойдешь с нами?

— Пойду, — охотно согласилась Таня...

Маша принялась полоть дальше. Таня старалась изо всех сил, чтобы догнать ее, но та быстро уходила вперед.

Вскоре Таню догнала Зина, курносая, рыжеватая, с веснушками...

— Ну как? — приветливо спросила она, перейдя на ее грядку.

— Да вот не успеваю за вами...

— А ты отдохни!

— Вы же не отдыхаете...

— Нам некогда, косить пора... Руки-то у тебя какие белые! — вздохнула она, беря Таню за руку. — И махонькие. Не то что мои...

Таня застенчиво промолчала, пряча руку...

— Зато небось уж парни тебя и любят, а?

— Не знаю, — еще больше смутилась Таня.

— Ну да! Знаешь небось. Вот приходи вечером на пятачок, увидишь. Придешь?

— Может быть...

— Приходи, посмотришь.

И вот снова все согнулись над грядками заросших огурцов.

Таня увидела в траве огурец. Мать в это время была рядом:

— Ой, огурец! — воскликнула она. — И еще! Разве они уже созревают?

Мать обернулась:

— Попадаются... Мало только...

— А что с ним делать?

— Оставь, пусть растет. А хочешь — съешь.

...В это время Стешка тоже нашла огурец, сорвала его и спрятала под пучок выполотой травы, где уже оказалось добрых два десятка таких же огурцов.

Потом потянулась, зевнула и решительно махнула рукой.

— Шабаш! Я свою норму уже выполнила.

И она стала складывать в передник припрятанные в траве огурцы.

Старуха Макариха, с желтыми ястребиными глазами, работавшая рядом с ней, усмехнулась:

— Смотри, увидит председатель твою норму...

— Чихала я на него! — дернула она плечом и пошла в сторону.

Но не успела сделать и нескольких шагов, как из кустов, отделяющих огороды от дороги, показался Сергей Иванович.

— Уже наработалась? — прищурился он.— А что у тебя в переднике? — И он неожиданно для Стешки дернул ее за конец передника, и огурцы полетели в траву.

Стешка вызывающе подбоченилась, она готовилась слушать нотацию, но председатель молчал. И тогда, будучи не в силах вынести этого укоряющего молчания, Стешка вспыхнула.

— Я у тебя взяла? Ты здесь без году неделя, а мы на этой земле сто потов пролили! Свое взяла, заработанное, понятно тебе? Как в песне поется: «Все кругом колхозное, все кругом мое...».

Среди подошедших женщин послышался невольный смешок.

— И все так делают!.. — продолжала Стешка. — Хочешь докажу? Хочешь?

Кто-то фыркнул из девушек. Сергей Иванович оглядел женщин.

— Вот у них ты украла.

— У нее? — фыркнула вдруг Стешка, указывая на попятившуюся Макариху.

— И у нее!

И прежде чем старуха успела опомниться, она вдруг сунула руку ей в карман юбки и вывернула его вместе с десятком огурцов.

— Понял? — победоносно сверкнула глазами Стешка. — Свое, заработанное берем, иначе от вас не дождешься! И все так делают!

— Не ври! — резко сказала Наталья Авдеевна.

— А! — отмахнулась от нее Стешка. — Ты-то, известно, дурочка блаженная! Оттого у тебя и крыша худая. Так что, Емеля-простота, — снова обернулась она к Сергею Ивановичу, — нечего в меня пальцем тыкать! Сроду не была вором и не буду!

— Постой! — остановил ее председатель.— Я знаю, было время, когда колхозникам действительно мало выдавали на трудодни и некоторые стали потаскивать из колхоза. Но времена эти прошли! А привычки остались! И ты, Степанида, вор! Потому что не от нужды берешь — у тебя муж, дай бог каждому, зарабатывает...

— Да что ты на меня взъелся? Я же тебе говорю — ничем других не хуже! Как все, так и я.

— Нет, не все!

— Все!

— А я говорю, не все! Вот Наталья Авдеевна никогда ничего не брала. И Маша — знаю! — показал он пальцем на толстую девушку. — И Зина!

Зина мучительно покраснела, и он, мгновенно поняв, что ошибся, упрямо продолжал, глядя на Зину:

— Не брала и никогда не возьмет ни крошки. Потому что она и так отличная работница! И все, кто хорошо работают, начиная с той же Нюры Макаровой...

Стешка вдруг захохотала:

— Нюрка? Да хватит тебе всем в нос тыкать этой Нюркой! Нашел ангела невинного!

А хочешь, я ее за руку поймаю и к тебе приведу? Хочешь?

— Уйди, пожалуйста! — посмотрев на Стешку с глубоким презрением, тихо ответил Сергей Иванович. — Слушать тебя тяжело и стыдно. На всех готова помои лить! Забирай свои ворованные огурцы да уходи! Пойдемте, товарищи, посмотрим, что у нас там делается, — позвал он женщин и двинулся мимо Стешки.

Подавленные, расстроенные женщины пошли за ним, избегая встречаться со Стешкой глазами. И только Таня испуганно оглянулась на нее два раза.

А та стояла раскрасневшаяся, с раздувающимися ноздрями, и если бы глаза ее действительно были способны метать молнии, то она, казалось, испепелила бы не только председателя, но и всю округу на много верст.

— А вот увидишь! — запоздало погрозила она вслед.

Сергей Иванович, Мокеич и Федор направлялись к строящемуся коровнику. Работа не спорилась. Двое рабочих при появлении председателя вскочили с мостков, где они нежились на солнышке, и только один бородатый каменщик неторопливо прилаживал кирпич к кирпичу, замазывая ладонью выступающий снаружи раствор из-под кирпичей.

— Глянь-ка, Сергей Иванович! — удивленно показал на него Федор и тут же обратился к бородатому: — А ведь ты, дядя, не каменщик.

— А кто ж я по-твоему?

— Печник!

Бородатый растерялся. Но тут ему на помощь кинулся их бригадир, тот, что в свое время просил подсобников.

— А тебе-то что за разница? Ну что ты все встреваешь не в свое дело?

— Ну а как же! Разница есть! — усмехнулся Федор. — Деньги вам платят, как заправским мастерам, а ведь коровник не печка!

— Ну что ты меня все время деньгами коришь? Завидно тебе? Так иди к нам в артель. — Тут он помолчал, прищурился на пустой рукав Федора и небрежно, чтобы больнее ударить, бросил: — Хотя какой уж из тебя работник, из убогого!

Все замерли, пораженные этой грубой и злой выходкой.

Федор вздрогнул, стиснул зубы и медленно двинулся на обидчика. И такое при этом было у него лицо, что здоровенный толстяк с двумя руками попятился от безрукого.

— Федор! — громко, предостерегающе крикнул Сергей Иванович.

И Федор как-то сразу сник, повернулся и пошел прочь.

Сергей Иванович медленно, сдерживая себя, направился к бригадиру.

— Ну вот что! — тихо, но внушительно сказал он. — Забирайте свой инструмент и проваливайте отсюда к чертовой матери. И он пошел вслед за Федором.

Мокеич бросился за ним.

— Что, Сергей Иванович! Ну разве можно

так сердцу волю давать? Ну мало ли какие они мастера — других-то нет!

— Нет, так будут! — зло ответил Сергей Иванович.

Сергей Иванович шагает рядом с упряжкой лошадей, везущих свежеотесанные бревна, и горячо уговаривает возницу — высокого, широкоплечего парня с буйной копной соломенных желтых кудрей.

— Нет-нет, не буду! — говорит парень.

— Ты чудак! Это же у тебя специальность будет, — настаивает председатель. — Строитель! Очень почетная и нужная профессия.

— Нет, — хмуро качает головой парень. — Мне косить сейчас надо будет — корове сено зарабатывать.

— Дадим тебе сена! — отвечает Сергей Иванович. — Сегодня же на правлении постановим, чтобы всем строителям тоже выделять десять процентов сена.

— Все равно, Сергей Иванович, не уговаривайте. Это же только начни, а там и пойдет: как строить, так обратно тебя.

— Ох, Петр, до чего же ты упрямый. Неужели ничем тебя не проймешь?

— А у нас вся порода такая. Непробиваемая! — ухмыльнулся парень.

Сергей Иванович огорченно махнул рукой и отошел, задумавшись, в сторону.

А навстречу упряжке показались Таня и Нюрка.

— Ты обязательно приходи посмотреть, — говорила Нюрка — Такой ласковый бычок, и

меня уже знает. Умный! Сразу видно, что элита! Знаешь, я прямо так его полюбила, что меня даже один человек ревнует к нему!

— Какой человек? — живо и лукаво спросила Таня.

— Есть один такой,— загадочно сказала Нюрка и только тут увидела упряжку с бревнами и Петьку. И сразу глаза ее заблестели.

— Здравствуй, Петенька!— пропела она, когда он поравнялся с ними.

— Здорово!— небрежно ответил Петька и прикрикнул на лошадь.— Но-о! Пошла живей!

— Он?—удивленно спросила Таня, осененная догадкой. Нюрка кивнула, счастливо улыбаясь.

— А что же он... ну... какой неприветливый!— осторожно спросила Таня.— Может, поссорились из-за бычка?

— Не-ет, просто это он на людях форсит!— с улыбкой протянула маленькая Нюрка, провожая Петьку снисходительным взглядом старшего.

В это время Сергей Иванович, у которого еще не прошло выражение досады и озабоченности на лице, оглянулся последний раз на удалявшегося Петьку, заметил девушек и оживился.

— А, Нюра! У меня к тебе есть большая просьба! Извините, Таня, это дело деликатного свойства. Я только на минутку...

Он отвел Нюрку в сторону и о чем-то горячо заговорил, улыбаясь и жестикулируя. Нюрка слушала сначала озабоченно, потом

вскинула брови, улыбнулась и громко рассмеялась, махнув рукой.

— Ладно, можете не сомневаться!— смеясь, проговорила она, возвращаясь.

Сергей Иванович пожал ей руку, тоже засмеялся и пошел.

— Знаешь, чего он просил?— спросила Нюрка.— Петьку уговорить, чтобы он на стройку пошел.

— А-а,—протянула Таня.—Думаешь, пойдет?

— Ха!— дернула плечом Нюрка.

И вот уже Петька, шлепнув кучку раствора на кирпич, разравнивает его мастерком.

— Нет, это уже лишнее. Просто клади сверху кирпич, и все,— замечает стоящий рядом Сергей Иванович.

Петька кладет кирпич, но неровно, откладывает мастерок в сторону и начинает поправлять его обеими руками.

— Смотри,— терпеливо говорит Сергей Иванович, берет мастерок и, стукнув рукояткой, два раза, сразу ставит кирпич на место.— Так ведь быстрее, правда?

Петька кивает, кладет новый кирпич и пристукивает рукояткой, как показывал Сергей Иванович.

— Ну вот, так. Главное — не робей, тут особой хитрости нет, а сноровка — дело наживное. Через два дня будешь класть почище того печника!

Мокеич, тоже стоявший позади, тяжело вздыхает.

— Ну что ты кряхтишь, Мокеич! Не боги ведь горшки обжигали!

— Сергей Иваныч!— окликает его девушка, стоящая возле корыта с раствором.— Ну вот песку четыре ведра, а теперь цемент сыпать?

— А теперь цемент!— спокойно и почти что ласково говорит председатель, подходя к ней.— Только ты неверно сделала, я же тебе говорил. Ведро песку высыпала, добавь немного цемента, еще ведро и еще добавь. А теперь тебе труднее размешивать будет, понятно?

Девушка кивает и начинает размешивать смесь. Сергей Иванович подходит к другому парню, кладущему кирпичи.

— Ну как?

— Хорошо!—одобряет Сергей Иванович.— Только ты почаще реечку прикладывай, а то видишь?

Он приложил рейку к кирпичам и сразу стало видно, что два из них заметно выпирают.

— А как же теперь?— испугался парень.

— Ничего, поправим,— все так же спокойно ответил Сергей Иванович и несколькими сильными ударами по рейке сравнял выступающие кирпичи.

Мокеич снова крякнул за его спиной. Сергей Иванович резко обернулся к нему, но сказал опять ласково:

— А как, Трофим Мокеич, начали косить на Мельничихиной поляне?

— Не знаю,—растерялся Мокеич.—А что?

— А съездил бы да узнал...

Мокеич было обиженно засопел, но потом махнул рукой и засмеялся, признав справедливость упрека:

— Ладно уж, уйду...

В это время подбежал запыхавшийся Федор:

— Сергей Иванович! Инспектор из сельхозбанка приехал! Придется, видимо, сейчас нам ответ за бычка держать...

Сергей Иванович вздохнул и огляделся. Казалось, его больше огорчала необходимость уйти отсюда, чем сам факт приезда инспектора...

Таня уже сидела за ужином, когда в избу вошли Сергей Иванович и высокий худой человек в очках и с рыжим портфелем.

— Здравствуйте!— поздоровался гость.

— Наталья Авдеевна, не покормите ли нас с Иваном Петровичем?— спросил председатель.

— Сейчас, сейчас!— засуетилась Наталья Авдеевна.— Садитесь!

Иван Петрович сел, положил портфель на колени, взглянул мельком на Таню и внушительно сказал Сергею Ивановичу:

— Я все-таки вынужден буду настаивать в райкоме, чтобы вам вынесли выговор. За незаконное использование кредита на капстроительство! Вам следовало попросить ссуду на приобретение этого бычка, поскольку на это есть особая статья.

— Так,— усмехнулся Сергей Иванович.—

Вы мне полдня про этого бычка, а про то, что я экономлю пятьдесят тысяч на стройке, ни слова не сказали.

Наталья Авдеевна поставила на стол две тарелки, ложки и стала доставать чугун, укутанный в старую телогрейку.

Вдруг в сенях послышались быстрые шаги, и в избу ворвалась Стешка. Глаза ее победоносно сверкали.

Она втащила за руку плачущую Нюрку и швырнула к ногам Сергея Ивановича мешок, на четверть заполненный чем-то. От мешка поднялось легкое облачко мучнистой пыли.

— Вот, полюбуйся на свою ненаглядную!—закричала она, выставляя Нюрку на середину избы.

Нюрка закрыла лицо локтем и зарыдала еще сильнее.

— Что это?— тревожно спросил Сергей Иванович.

— Не видишь?—злорадно спросила Стешка, пихая мешок ногой. Из мешка просыпалось немного отрубей.— Разуй глаза! Говорила, за руку приведу! Не верил. Так смотри! Она этот мешок сама вынесла из коровника и хотела Макарихе отдать. И отдала бы, кабы не я!

В тягостном недоумении перевел взгляд председатель на Нюрку. Один Иван Петрович казался бесстрастным, но исподтишка наблюдал за всеми с острым вниманием.

Нюрка всхлипнула и не то с плачем, не то со стоном кинулась опрометью из избы...

Стешка захохотала, уперев руки в бока,

оглядывая всех дико-злорадными глазами. Однако, увидев постороннего, она на мгновение смутилась. Наталья Авдеевна плюнула и отвернулась. И это снова подстегнуло Стешкин гнев.

— Вот они, твои ударники-стахановцы! Этак-то и я бы непрочь поработать!— И Стешка опять залилась своим торжествующим смехом.

— Эх, Стеша! Зачем ты это сделала? — вздохнула Наталья Авдеевна.

— А затем!— с ненавистью глядя на убитое лицо председателя, ответила Стешка.— Чтоб он мне больше не тыкал в нос огурцами! Тоже мне, председатель! Глаза-то у тебя на затылке? Вот я еще тебя не так ужалю!— пригрозила она Сергею Ивановичу.

Сергей Иванович глянул на нее и снова отвернулся. Он был так подавлен и удручен случившимся, что, казалось, новые угрозы Стешки уже не волновали его.

Иван Петрович с удивлением смотрел на него все так же молча.

— За что? За что жалить-то собралась, дикая?— укоризненно спросила Наталья Авдеевна.— Что он тебе сделал? За то, что приехал к нам по почину души да с чистым сердцем?

— Много их таких приезжало чистых, да уезжали замаранными!— парировала Стешка.— Ну что молчишь? Кто из нас прав?

Она подступила к председателю, глядя в упор, желая полностью насладиться своим злым торжеством.

Сергей Иванович только на мгновение поднял на нее глаза, в которых было столько горечи, что даже Стешка как бы смутилась.

— То-то! — сказала она, уже несколько неуверенно. И замялась, не зная, что делать дальше.

Наталья Авдеевна замахала на нее руками:

— Ну хватит, хватит, ступай с богом. Сделала черное дело, ну и радуйся. Хоть бы посторонних людей постыдилась!

Стешка снова посмотрела на Ивана Петровича, но его вид не произвел на нее никакого впечатления. Однако, когда она увидела портфель, лежащий рядом на лавке, то это обстоятельство насторожило ее. И похоже, что она пожалела о своем вторжении. Лицо ее стало сумрачным, и, круто повернувшись, она молча вышла.

Несколько мгновений царило тяжелое молчание.

— Вот змея!— вздохнула Наталья Авдеевна.

— Как же так?— растерянно спросила Таня, обводя всех недоуменным и испуганным взором. — Вот уж никогда не думала, чтобы Нюра и вдруг...

Она не договорила, испуганно глядя на Ивана Петровича. А тот с неторопливым видом взял портфель, достал из него бумагу и вечную ручку...

— Что вы хотите делать?

— Нужно составить акт и передать прокурору...— невозмутимо ответил тот, взял ручку и вывел заглавие: «Акт».

— Зачем? Подождите! Нельзя же так, надо сначала разобраться!

— В чем? Факт кражи колхозного имущества налицо, а в деталях пусть уж следователь разбирается...

— Вы не имеете права!

— Слушайте, гражданочка, не суйтесь не в свое дело. Молоды вы еще учить меня!— тихо, но внушительно ответил Иван Петрович.

Сергей Иванович, наконец, словно очнувшись, встал и, подойдя к столу, взял лист бумаги и разорвал его.

— Это не годится, Иван Петрович. Не нужно никакого акта. Разберемся сами.

Иван Петрович, прищурившись, следил за тем, как он рвал бумагу, и кажется, это больше рассердило, чем отказ от составления акта.

— Очень хорошо!— зловеще сказал он.— Председатель колхоза покрывает расхитителей и жуликов! Вам это даром не пройдет, предупреждаю. Я доложу об этом кому следует.

— Да ты послушай, мил человек...— начал было дед Авдей успокоительно...

— Ваше мнение меня не интересует,— остановил его Иван Петрович.

Иван Петрович встал и застегнул портфель.

— Сергей Иванович, вам это так не пройдет!

Председатель махнул рукой и вышел.

И такое у него было расстроенное лицо, что Таня как-то невольно потянулась за ним и вышла следом.

Он сидел за избой на старой коряжине и, казалось, бездумно смотрел на догорающий закат. Сзади медленно подошла Таня. Он оглянулся и молча подвинулся, освобождая место. Таня села рядом.

Несколько мгновений оба молчали. Потом Сергей Иванович, не оборачиваясь, спросил:

— Вы были когда-нибудь в Ленинграде?

Таня отрицательно качнула головой.

— Уеду я завтра отсюда!— с неожиданной резкостью сказала Таня.— Пойдет утром машина на станцию?

— Пойдет, пойдет,— рассеянно ответил Сергей Иванович, думая о чем-то своем.

Около стола на табуретке открыт чемодан. Таня укладывает в него свои вещи.

Дед Авдей с кровати сумрачно наблюдает за ней.

— А ты пожила бы еще хоть недельку... Таня не отвечает...

— Ну хочешь, мы тебе завтра еще курочку зарежем? Бог уж с ними, с курами, хоть и несутся они сейчас... Курей-то много, а ты вот у нас одна... А, Танюш?

— Не могу, дедушка!

— Мать обижаешь... Думаешь, она молчит, так ей и нипочем? А я-то вот в избе сплю и все слышу...

Таня закусывает губу. Ей тяжело и неловко слышать все это, но еще труднее разговаривать.

Входит Наталья Авдеевна. Она заметно осунулась, глаза лихорадочно блестят, но губы крепко сжаты.

— Через полчаса пойдет машина...— бесстрастно сказала она.— Все собрала в дорогу?

Таня кивает, избегая встречаться с ней глазами...

Наталья Авдеевна оглянулась и заметила флакон духов на комоде. Подошла к комоду, взяла флакон, потом нечаянно подняла глаза, увидела фотографии своих погибших сыновей и мужа и задумалась.

Таня подождала, подождала и тихонько закрыла и заперла чемодан.

— Ну поспешайте, машина не будет ждать,— забеспокоился дед.

Наталья Авдеевна очнулась.

— Да. Надо идти.

Она забыла про флакон и взялась за чемодан.

— Ну прощай, внученька,— дед привстал с кровати и протянул к Тане руки.— Не забывай теперь нас, пиши почаще, ждать будем.

Дед, прижав Танину голову к своей щеке, гладил ее по голове трясущейся рукой. Потом трижды поцеловал и отпустил.

— Вот горе, приболел, как на грех. А то бы проводил я тебя... Ну ладно, мать проводит. Наташ, ты до станции?

— Нет,— коротко ответила Наталья.

Таня быстро взглянула на нее. В голосе матери ей послышался упрек и глубокая обида.

— Да что же ты?— забеспокоился дед.— Попроси Сергея Ивановича, отпустит он Танюшку проводить...

— Некогда. Косить надо...— уклончиво ответила Наталья Авдеевна.— Ну пошли.

Таня задумалась на мгновение.

— Дайте я...— взялась она за чемодан.

Мать опустила свою руку и пошла первая...

...Они медленно шли по улице. Таня поравнялась с матерью и искоса взглянула на нее. Наталья Авдеевна шла, глядя прямо перед собой, около губ легла горькая складка...

— Уже? — удивилась повстречавшаяся им женщина, та самая, что оценила Танино обращение к матери на «вы», как уважение.— Что ж так мало дочка-то погостила?

— Да так уж получается...— коротко ответила Наталья Авдеевна, ускоряя шаги, чтоб избавиться от расспросов.

Таня снова посмотрела на мать, и ей показалось, что она еще крепче сжала рот.

Но тут из ворот показалась толстая кума с ведрами.

— Эй, крестница!— удивилась она тоже.— Никак уже ты уезжаешь?

— Да. Надо,— смущенно пробормотала Таня.

— Нехорошо, нехорошо. Столько не видались, а всего неделю пожила. А ты что ж

смотришь, Наталья?—шутливо обратилась она к Наталье Авдеевне.— Не пускай ее, и все тут...

Наталья Авдеевна выдавила измученную улыбку.

— Не слушает...

— Ну счастливо, приезжай опять!— подала кума руку Тане.

...И дальше идут они. А впереди колодец, около него стоят несколько женщин и с любопытством смотрят на них.

— Дай-ка я... — мать взяла у Тани чемодан.— Пройдем здесь.

Она свернула в проулок между домами, чтобы не встречаться с женщинами, и пошла по тропинке между огородами.

Возле строящегося и уже почти готового дома стоят Сергей Иванович и невысокий крепенький старичок с аршином в руках и карандашом за ухом.

— Обязательно нужно красивые наличники сделать!— говорит Сергей Иванович.— У дома окна, что глаза у человека. Вот и пусть глядят веселее!

— Да я ведь не против,— оправдывается старичок.— Я просто думал, что это правление, значит, вроде бы казенное здание, может, ему строгость нужна....

— Не надо строгости. Пусть будут красивые наличники...

В это время из проулка вышли Таня с матерью.

— О, Сергей Иванович!— обрадовалась Таня.— Я пойду попрощаюсь с ним...

— Иди,— коротко ответила Наталья Авдеевна.— А я машину постерегу, чтоб не ушла...

Таня побежала к Сергею Ивановичу.

— Вот вы где! А я уже жалела, что придется уехать, не попрощавшись с вами...

— Маловато вы погостили, Таня... Что ж, приедете на следующий год?

— Да... Наверное... Постараюсь...

— Не понравилось вам тут,— с сожалением констатировал Сергей Иванович.— А жаль...

— Ну, Сергей Иванович!— взмолилась Таня.— Уж вы-то, кажется, должны меня понять!

— Понять и оправдать это не одно и то же, Таня...

— Я знаю, но... Ведь не все могут быть героями... Я вот смотрю на вас, удивляюсь... и даже... ну... очень уважаю вас за это. Наверное, даже буду рассказывать про вас... А вот сама так — не смогу, нет...

— А вы пробовали?— усмехнулся он.

— Я уже и так вижу...

— Да ничего вы еще не видали по-настоящему. Все тут гораздо сложнее, чем на первый взгляд. И интересней... Ну что ж, может, подрастете еще и тогда поймете!— примирительно улыбнулся он.

...Наталья Авдеевна, погруженная в свои невеселые мысли, медленно шла по улице.

Вдруг ее окликнули сзади,

— Эй, Наталья!.. Наталья, подожди!

Она с досадой оглянулась. Это была Стешка.

— Председателя не видала?

— Зачем он тебе?

— Нужно. По делу...

Наталья Авдеевна, поколебавшись, махнула рукой:

— Там он был, возле правления, что строят.

Стешка повернула обратно. Когда она подошла к дому, из дверей вышли Сергей Иванович и Таня.

От неожиданности, а еще больше от нежелания встречаться с ней, Сергей Иванович даже запнулся на пороге... От Стешки не укрылось это...

— Ай я такая страшная, что ты уж бояться меня начал? — усмехнулась она.

— Бояться не боюсь, а уж добра от тебя не жду! — сурово ответил Сергей Иванович.

— А зря! Я к тебе как раз с добром пришла.

— Ну говори,— холодно сказал Сергей Иванович.

— Ты вот что,— с трудом проговорила Стешка.— Повиниться я хочу... за давешнее... с Нюркой. Это я сдуру натворила...

Сергей Иванович ответил не сразу.

— Нет, этого я тебе никогда не прощу!— еще суровее вымолвил он.

— Почему? — упавшим голосом спросила Стешка.

— А ты сама подумай. Лучше поймешь.

— Очень мне нужно!— обозлилась было Стешка.

— Ну так и мне твои извинения не нужны... Пойдемте, Таня, я провожу вас...

— До свиданья! — тихо сказала Таня Стешке, но она не обратила на нее внимания, гневно глядя им вслед.

— А мне уже сегодня прокурор звонил, насчет Нюрки,— с горечью говорил Сергей Иванович Тане.

— Ну и как?— ахнула Таня.

— Нюрку я в обиду не дам! Карать людей очень легко, а вот помочь им жизнь наладить — об этом мы еще мало думаем...

— Эй, подождите!—снова закричала Стешка и, подбежав к ним, сердито выпалила:

— Ладно! Прощай, не прощай — мне на это плевать! А вот про Нюрку худо не думай. Не по своей воле она, ей Макариха житья не дает, таскать заставляет. Раз даже ночевать домой не пустила. Понял?

— А ты все знала и все-таки устроила этот спектакль?— укоризненно спросил Сергей Иванович.

— Ну и знала, да... Ты меня не зуди!— вспыхнула она снова.— Дай сказать сперва! И то...

— Ну-ну, говори, слушаю,— примирительно усмехнулся Сергей Иванович, несколько смягченный ее признанием.

— Так вот, боюсь я за нее. Как бы от стыда девка глупостей не натворила... Ты бы присмотрел за ней...

— Та-ак,— протянул Сергей Иванович.— Значит, заварила кашу ты, а я за тебя расхлебывай?

— Так ведь что ж я-то могу сделать? — загорячилась Стешка.— Ведь она теперь от меня, как черт от святого креста!..

— Ну вот что! — строго сказал Сергей Иванович, прикинув в уме ситуацию.— Если уж ты хочешь это дело поправить, так ступай найди ее и приведи ко мне. А мне некогда твои узелки распутывать, — и он пошел дальше...

Таня восхищенно посмотрела на него.— Думаете, она будет искать?

— Очень может быть,— задумчиво улыбаясь, ответил Сергей Иванович.

Машина уже ждала их, и когда Таня и Сергей Иванович показались вдали, шофер нетерпеливо погудел. Наталья Авдеевна стояла около машины, все с тем же будто окаменелым лицом. И стоило только Тане взглянуть на нее, как лицо ее тоже потускнело. Она боялась момента прощания с матерью и потому сначала повернулась к Сергею Ивановичу.

— Ну, до свиданья еще раз! Нюре привет передайте. И не давайте ее в обиду.

— Да уж будьте покойны,— улыбнулся председатель.— Счастливо вам добраться, не забывайте нас...

— Теперь не забуду...

А Наталья Авдеевна терпеливо дожидалась своей очереди.

И вот Таня наконец повернулась к ней.

Мать не сдвинулась с места ей навстречу, и Таня тоже чувствовала себя скованной.

— А... чемодан где? Там уже?— спросила она, чтобы начать с чего-то...

Мать кивнула.

— Я как приеду, сразу же напишу вам,— поспешно пообещала Таня.

Мать снова кивнула...

— И вообще, я буду часто писать... И летом опять приеду... Вы уж извините, что так получилось... Я же не знала... А теперь там меня ждут...

— Ну скоро, что ль? — крикнул шофер из кабины. — Ехать надо. А то склад закроют!

— Ну, до свиданья... мама,— с трудом выговорила Таня, шагнув ей навстречу.

Наталья Авдеевна быстро вскинула на нее глаза и поняла, что это «мама» не шло от души, а было лишь попыткой загладить свою вину... И еще больше потемнела лицом.

Таня робко обняла ее и поцеловала в обе щеки. Наталья Авдеевна закрыла глаза. Потом вдруг судорожно обняла Таню и стала быстро-быстро целовать ее в губы, в лоб, в глаза, повернулась и пошла прочь, сгорбившись и тяжело переставляя ноги.

Таня взглянула на Сергея Ивановича, разговаривающего с шофером, но наблюдавшего за ними. Он сурово и осуждающе покачал головой. У Тани сделалось несчастное лицо, и она торопливо полезла в кузов.

— Садись сюда! — крикнул было ей шофер, но она затрясла головой и села там на

чемодан, прижавшись спиной к кабине и словно спрятавшись от всех.

Машина тронулась.

Сначала она шла мимо поля с уже желтой рожью...

Потом мимо луга, по которому со стрекотом двигались две тракторные сенокосилки...

Потом въехала в лес, сумрачный и прохладный.

Дорога стала хуже, машину подкидывало на ухабах. Таня подпрыгивала и моталась из стороны в сторону, а лицо у нее было все то же несчастное и расстроенное.

Неожиданно машина остановилась. В кузов полетел сначала какой-то узелок, а затем появилась Нюркина голова.

Она уже перенесла ногу в кузов, как вдруг увидела Таню и в замешательстве хотела спрыгнуть обратно.

— Нюра?! — удивленно и решительно воскликнула Таня и схватила ее за руку.— Куда ты? Подожди!

В это время машина тронулась, и девушки свалились на дно кузова...

Таня рассмеялась, но тут же умолкла, увидев на лице Нюрки страх и растерянность...

— Ты куда?— спросила она.

— Уезжаю,— отрывисто буркнула Нюрка и отвернулась от нее.

— Совсем?— ахнула Таня.

Нюрка кивнула.

— Ты с ума сошла! Ведь Сергей Иванович уже все знает! Абсолютно все! И он мне сам

сказал, что не даст тебя в обиду! Понимаешь? Ничего тебе не будет.— Таня схватила ее за руки.— Глупая! Да ведь тебя все там любят! Возвращайся!

Нюрка отрицательно затрясла головой. Таня вскочила и забарабанила по крыше кабины. Машина остановилась, шофер выглянул, приоткрыл дверцу.

— Обратно! Обратно! Поворачивайте обратно!— возбужденно сказала Таня.

— Да вы, девки, с ума сошли? Мне цемент надо привезти, а мы и так опаздываем,— и он захлопнул дверцу.

— Подождите! Подождите!— снова забарабанила Таня по крыше кабины, а затем схватила Нюркин узелок и выбросила его из машины. Следом полетел ее чемодан.

— Ну, давай вылезай!— и Таня первая спрыгнула на землю.

Нюрка помедлила, потом тоже спрыгнула. Машина поехала. Нюрка посмотрела ей вслед и вдруг заплакала.

— Никуда я не пойду! Зачем ты вылезла?

Таня обняла ее и стала успокаивать.

— Глупенькая ты! Ну чего ты боишься, мало ли что на свете случается. Нельзя же из-за этого всю жизнь ломать! Ну пойдем!

— Да-а, а как я теперь Сергею Ивановичу на глаза покажусь?— еще сильнее зарыдала Нюрка.

— Чудачка! Да это такой человек! Он все понимает!

Она достала платок и стала вытирать ей глаза...

— Ну что я, маленькая!— Нюрка взяла у нее платок и сама вытерла глаза. Потом отдала обратно и горестно улыбнулась.

— А знаешь почему я эти проклятые отруби ей вынесла? Она повадилась сама ходить за ними, как я на дежурстве. Придет и набивает сколько хочет. А что я ей могу сделать? Она знаешь какая! Вот я и подумала, что сама-то я ей хоть поменьше насыплю... А кто этому поверит?..

— Поверит! Поверит!— горячо возразила Таня.— Сергей Иванович, он знаешь какой удивительный?.. Я про таких людей только в книгах читала...

...И вот они вешают на палку Танин чемодан, Нюркин узелок и трогаются в обратный путь.

Старуха Макариха, Нюркина тетка, перекладывала из фартука в лукошко куриные яйца. Услыхав шаги в сенях, она поспешно прикрыла лукошко тряпкой.

При виде вошедшей Стешки лицо ее испуганно вытянулось.

— А где же Нюрка?— хмуро спросила Стешка.

— Зачем это она тебе спонадобилась? Опять срамить?— огрызнулась Макариха.— Да ты что шныряешь?— завопила она, видя, что Стешка заглянула за печку.— В свою избу, что ли, пришла? Говорят тебе, нет ее. На скотном она!

— Не ври, нет ее там. Я ее тут подожду...

— Некогда мне с тобой рассиживаться!— прошипела Макариха, бросая на нее злобные взгляды.— Уйти мне надобно. Должна я избу запереть?

— Ступай,— насмешливо ответила Стешка,— ты мне ни к чему. А избу твою я постерегу,— и Стешка уселась на табуретку.

— Господи милостивый!— завопила старуха.— Да что же это делается? В своем дому спокою нет. А ну выметайся живо, пока я ухват не взяла!..

— А там ведь два ухвата-то!— кивнула Стешка на печку, возле которой действительно стояли два ухвата.

Макариха злобно плюнула и заметалась по избе, не решаясь, однако, прибегнуть к более решительным действиям.

...Когда Таня и Нюрка выбрались наконец из леса, солнце уже клонилось к вечеру...

— Давай отдохнем!— предложила Таня.

Они опустили свою ношу на землю. Нюрка с удовольствием огляделась по сторонам и вздохнула:

— А дура я, честное слово... Да я бы в любом другом месте от тоски померла!.. Знаешь, давай сначала ко мне зайдем, отнесем это,— кивнула она на узелок,— и сразу побежим на ферму. А то уж боюсь, как там без меня... Ладно?

Таня кивнула, с улыбкой посматривая на нее.

Вечереет. Макариха сидит за столом напротив Стешки и хлебает кашу с молоком.

— Уж так каша уварилась, так уварилась,— злорадно говорит она и нарочно с хлюпаньем тянет молоко из ложки.

Злая, голодная Стешка сидит отвернувшись и невольно содрогается от этого хлюпанья.

— Хоть бы уж не чавкала! Ешь, как свинья, смотреть противно.

— А ты не смотри, не смотри, милая. Шла бы домой да тоже поужинала. А то вон у тебя в брюхе-то как урчит...

Стешка бросает на нее ненавидящий взгляд и снова отворачивается.

Вдруг она насторожилась, прислушиваясь к чему-то за окном, и выбежала из избы.

...Около крыльца стояли Нюрка и Таня.

— Нюрочка! Пришла? А я тебя жду, жду!

Нюрка испуганно попятилась от Стешки.

— Не бойся, пойдем со мной к Сергею Ивановичу. Он велел прийти нам.

Нюрка быстро затрясла головой, глядя на нее исподлобья.

Таня внимательно смотрела то на Стешку, то на Нюрку, что-то соображая...

Стешка схватила Нюрку за руку, но Нюрка вырвала ее.

— Никуда я с тобой не пойду!

Стешка потупилась.

— Ну прости, ладно уж... Что мне, на колени теперь перед тобой становиться?— глухо сказала она.

— Знаешь что, Нюра,— оживилась Таня,— иди!

— Я лучше одна пойду... Или с тобой,— упрямо твердила Нюрка.

— Нет, вы вместе идите. Так лучше, не бойся, честное слово, так лучше...

Стешка с удивлением и надеждой смотрела на Таню...

— Ладно,— неохотно согласилась наконец Нюрка.

Она побежала в сени, оставила там свой узелок и двинулась первая, Стешка за ней.

Таня, очень довольная, посмотрела им вслед и тихонько засмеялась.

И, словно вторя ее смеху, весело, от всей души смеется Сергей Иванович.

Они сидят в избе, Таня, очень оживленная, с блестящими глазами, которые она не сводит с Сергея Ивановича, Наталья Авдеевна, которая в свою очередь не может оторвать глаз от Тани, и дед Авдей, ради возвращения внучки присевший к столу.

— Молодец, Таня!— весело говорит Сергей Иванович, и Тане сладки эти слова.— Вы сегодня сделали два очень хороших дела.

— Три!— встревает Наталья Авдеевна.— Вернулась!

— Только, честное слово, больше месяца не могу!— уточняет Таня.

— И за то спасибо,— радуется дед Авдей.

— А уж Степанида-то, так и сияла!— снова вспоминает Сергей Иванович.— Странный она все-таки человек...

— Она не плохая баба... Просто жизнь ей не удалась,— замечает Наталья Авдеевна.

— Ой, луна какая!— восклицает Таня, взглянув в окно.— Сергей Иванович, пойдемте посмотрим!

Сергей Иванович с улыбкой поднимается и выходит за ней следом.

Дед переглядывается с Натальей Авдеевной.

— Эй, Наташка!— озабоченно сказал он.— Ты помнишь, куда эта тропочка ведет, когда девки на луну заглядываются?

— Ничего не будет!— усмехнулась Наталья Авдеевна.— Он человек самостоятельный. Знает, чай, что виски уже седые...

— Седина в бороду, а бес в ребро!— подмигнул дед.

— Ладно, старый. По себе, что ль, меряешь?

— А что, я удалой мужик был! С молоду бил и сороку и ворону!— подбоченился дед.

Таня остановилась на улице у плетня, взялась руками за выступающие гибкие прутья и подняла голову. Луна осветила ее лицо, и глаза Тани как будто стали темней и больше.

— Сергей Иванович,— неожиданно спросила она, налегая на пружинистые прутья и слегка раскачиваясь.— Я давно хотела вас спросить, вы всегда были... один?

— Нет... не всегда,— задумчиво ответил Сергей Иванович.

Таня кинула на него быстрый взгляд.

— Да... мы, женщины, часто бываем удивительно близоруки!

Сергей Иванович невольно улыбнулся и ответил ей в тон.

— Мы, мужчины, тоже...

— Ну, уж вы-то не такой!— живо воскликнула Таня. Она помолчала и продолжала...— Я вот раньше никогда не думала... о многом я не думала... А теперь думаю... Вам нельзя быть одному!

— А я не один,— беззаботно ответил Сергей Иванович.

— Как?— растерялась Таня.— Значит у вас... уже... кто-то...

— Да нет,— рассмеялся Сергей Иванович.— Я не в том смысле... А то, что вы говорите, относится к любому человеку...

— Вы не любой!— с жаром возразила Таня, устремляя на него взгляд.— Вы делаете такое дело... большое, для людей... И возле вас обязательно должен быть человек, который понимал бы вас, верил, восхищался... и утешал бы вас, когда вам плохо!— торжественно добавила она.

— Ну-у,— протянул Сергей Иванович, которого начал беспокоить этот разговор, и постарался все свести на шутку.— Не слишком ли много обязанностей для одного человека?

— Какие же это обязанности?— чуть не обиделась Таня и с восторгом объяснила: — Просто это и есть естественные свойства настоящей и высокой...— тут она запнулась и вместо «любви» сказала — «чувства»... И быстро отвернулась.

Сергей Иванович смутился.

—Да... Что ж, все, что вы говорите, правильно и хорошо,— нерешительно начал он, но закончил твердо и значительно.— Но, во всяком случае, такого человека пока нет и... если и будет, то не скоро.

— Почему?— быстро спросила Таня, снова поворачиваясь к нему.

— Потому что не вижу такого...

— А вы... вы уверены в этом?— тихо спросила Таня, поднимая на него глаза.

Но она тотчас же смутилась и снова опустила их. И снова, заставляя себя, посмотрела на него и опять застеснялась.

А Сергей Иванович смотрел на нее, любуясь этой прямотой и смущением, и медлил, медлил с ответом, не решаясь расстаться с чудесным мгновением, потому что ответ уже созрел:

— Да!— твердо сказал он наконец.— Этого не может и не должно быть!

— Как вы странно говорите,—упавшим голосом пролепетала Таня. — Что значит «не должно»?.. Разве можно приказать себе любить или не любить?..

— Приказать любить — нельзя. А вот запретить — можно. И я считал бы себя последним человеком, если бы позволил... какой-нибудь молоденькой девушке совершить эту, может быть и прекрасную, но — ошибку...

Таня опустила голову, повернулась и кинулась в избу.

А Сергей Иванович проводил ее долгим взглядом и медленно побрел по пустынной заснувшей улице. И лицо у него было грустное и расстроенное. Он устоял, но радости от этой победы не было.

Очутившись у крыльца правления, он машинально сел на ступеньки и задумался, опустив голову...

Вскоре около его ног появилась большая тень и стала надвигаться на него. Когда она совсем закрыла его, он поднял голову и увидел ночного сторожа, в тулупе и с колотушкой.

— Сергей Иванович!— удивился тот.— Ты чего здесь сидишь? Ай выпил малость?

— Что ты! Я — трезвый!— с горечью ответил Сергей Иванович, поднялся со ступенек и побрел обратно...

Утром, когда Таня только что встала с постели, она хотела было выйти на крыльцо, но увидела там умывающегося из старинного умывальника, похожего на чайник с двумя носиками, Сергея Ивановича.

Она отпрянула назад, быстро через хлев вышла в огород и стала там, прижав ладони к сразу запылавшим щекам.

Потом заставила себя вернуться. Сергей Иванович уже вытирался полотенцем.

— С добрым утром!— весело приветствовал он ее.

— Здравствуйте, — растерянно ответила она...

Сергей Иванович вошел в избу и стал причесываться перед зеркалом.

Таня напряженно размышляла о чем-то, следила за ним через открытую дверь.

И когда он вновь вышел на крыльцо, шагнула к нему и пробормотала, не глядя:

— Сергей Иванович! Я очень прошу вас забыть вчерашний разговор.

— А я уже забыл!— весело ответил он, разводя руками.

Таня широко открыла глаза, оскорбленная его непринужденностью...

— Быстро вы!..

И убежала в избу, закрыв за собой дверь...

Мать, хлопотавшая у печки, встретила ее удивленным взглядом...

— Ты что ?

— Я? Ничего,— фальшиво улыбнулась она и села за стол, поглядывая в окно...

Там Сергей Иванович сошел с крыльца к подъехавшей бричке и о чем-то разговаривал с Мокеичем.

Мать поставила перед ней миску с творогом и крынку молока.

— Ешь, доченька.

Таня как будто не слыхала. Наталья Авдеевна проследила ее взгляд, и на лице ее появилась тревога...

Сергей Иванович сел в бричку к Мокеичу, и она тронулась...

— А что же Сергей Иванович, не завтракал даже?

— Нет, а что?

Таня не ответила и выскочила на крыльцо. Наталья Авдеевна села на табуретку.

— Дед! — горестно качая головой, сказала она.— Беда с девкой-то.

— А что такое?

— Похоже, приворожил ее наш председатель...

— Но-о!— удивился дед и тут же упрекнул:— Это ты проворонила!.. А может, нет худа без добра?— оживился он вдруг.— Хоть поживет с нами подоле...

— Ой, лучше уж нет... Зачем ей мучиться понапрасну?..

В это время Таня, проводив бричку долгим взглядом, вернулась в избу и снова села за стол.

— Танюш, значит ты уж не поедешь на этот... на Кавказ?— робко спросила Наталья Авдеевна.

— Нет... Я уже написала, чтоб без меня ехали. А что?

— Да ничего... Я просто так... Ты говорила, деньги заплатила... четыреста двадцать. Что же они теперь, пропадут?

— Ах, неужели вы думаете, что деньги — это самое главное в жизни?— вспыхнула вдруг Таня, отчужденно и сердито взглянув на нее.

Наталья Авдеевна тоже вспыхнула, но сначала промолчала, а потом, когда Таня сердито потянула к себе молоко, подошла к столу и мягко сказала:

— Понапрасну ты меня коришь, доченька... Мы до денег не жадные... Просто трудно они нам достаются, вот и привыкли дорожить. Вишь, у меня руки-то какие?

И она положила на стол рядом с маленькой и белой Таниной рукой свою темную, шершавую руку со вздутыми синими прожилками.

Таня медленно и смущенно убрала руку.

— Извините...

Потом, отхлебнув глотка два молока, спросила:

— Вы сегодня куда пойдете работать?

— Сено ворошить.

— Я тоже пойду. Ладно?

По скошенному лугу вытянулись длинные валки сена. Цветные кофточки женщин рассыпались между ними. Это легкая и приятная работа — ворошить пахучее сено. Деловито и серьезно, приглядываясь к тому, как работают другие, орудует граблями и Таня.

И вот пришла на поля самая горячая деревенская страда — уборка хлебов. Плывет по полю комбайн, покорно клонятся перед ним тяжелые колосья и исчезают в его железных, грохочущих недрах, чтобы тут же высыпаться золотистым потоком зерна в кузов подъехавшей машины.

...А потом эта машина подъезжает к току и ссыпает зерно в большой бункер. До глаз укутанные платками женщины хлопочут возле веялок, подгребают очищенное зерно к

транспортеру. Среди них и Таня. Она тоже работает деревянной лопатой.

Но вот лицо ее искажается невольной гримасой боли. Она смотрит на ладонь — там набухают сразу две мозоли.

— Что это?— спросила какая-то женщина, подойдя к ней.— Э, милая, так нельзя. Что же ты без рукавиц?

— А я не знала.

— Ну вот. Завтра обязательно рукавицы надень. А пока возьми эти. У меня руки-то попривычней твоих.

И она стянула рукавицы и подала их Тане. Таня было засмущалась, но женщина строго и в то же время добродушно прикрикнула:

— Но-но! Не ломайся, что ж тебе такие ручки портить. Бери!

— Спасибо!— все же смущенная, Таня стала надевать их.

А неподалеку Мокеич, держа веером вырезанные из газет сводки, с жаром говорил Сергею Ивановичу:

— Видал, какая картина получается? По вывозке удобрений мы будем в самом заду. Отсеялись уже третьими, хотя и обратно же от заду. По сенокосу тоже от заду, но уже пятые. Вот бы нам хоть по уборке в середочку угодить, а? Мечта!

— А что, дело это вполне возможное,— соглашается председатель и, оживившись, говорит.— Ты возьми-ка эти сводочки и повесь на доске возле правления. А рядом с ними — чистый листочек для сводки по уборке и на нем нарисуй вопрос, и пусть каждый подумает.

— Дело!— закивал Мокеич и побежал куда-то.

К току подъехали две машины, до стекол забрызганные грязью. Со второй сошла Стешка в сапогах и юбке, тоже залепленных грязью.

— Ну что там?— озабоченно спросил Сергей Иванович, подойдя к ней.

— Дорогу так размолотили — прямо беда! Надо бы на каждую машину по топору да по лопате дать. А то буксуют много.

— Хорошо, дадим. А где же Фрося?— оглянулся он на первую машину.

— Она прямо с дороги домой пошла. Заболела, кажется.

— Вот беда! Кого же на ее место?— огляделся Сергей Иванович.— Не Ваську же!— кивнул он на рослого парня, пробежавшего мимо них с мешком к машине. Он оглянулся вокруг, увидел Таню и направился к ней.

— Ну как? Не устаете?

— Нет,— коротко ответила Таня и снова взялась за лопату.

— Подождите, Таня. У меня к вам есть большая просьба. Не могли бы вы на несколько дней подменить одну девушку? Дело несложное — сопровождать зерно на элеватор. Проследить, чтобы вес был проставлен правильно, да получить квитанцию...

— А я уже домой собралась. Пора!— не сразу ответила Таня, не глядя на него.

— Жалко!— искренно пожалел Сергей Иванович.

Таня быстро вскинула на него глаза.

— Понимаете? У нас сейчас все люди на работу вышли и так распределены... прямо взять неоткуда лишнего.

Таня разочарованно отвела глаза.

— А не могли бы вы, ну, денька хоть на три-четыре задержаться? Очень бы вы нас выручили!

— Ну, конечно, задержусь,— поколебавшись, согласилась Таня.

— Большое спасибо!— обрадованный Сергей Иванович схватил ее за руки и пожал. Таня невольно ойкнула.— Что это?— Сергей Иванович снял рукавицу с ее руки, увидел мозоли и с ласковой насмешливостью покачал головой.— О! Какая почтенная вещь! Вот теперь вы знаете, на чем булки растут?

Таня смущенно улыбнулась и спрятала руку за спину.

— Когда ехать?

— Да сейчас же. Я только пойду доверенность напишу.

У хлебного амбара очередь — идет выдача хлеба на трудодни.

— Елисеева, сколько трудодней?— справляется кладовщик в ведомости.— Сто восемьдесят три? Триста шестьдесят кило.

...А по улице около телеги идет Наталья Авдеевна, уже получившая зерно.

— С новиной тебя, кума!— приветствует ее толстая женщина.— Сколько тебе пришлось на аванс?

— Вот пять мешков, да дочкин довесок!— улыбнулась Наталья Авдеевна, кивая на самый верхний мешок, наполненный до половины.

— Ну, дочка у тебя хоть куда!— вздохнула кума.— Мне бы такую...

В новое правление гурьбой входят Сергей Иванович, Мокеич, Федор, Наталья Авдеевна и еще несколько человек. Они осматривают новое помещение, а Федор и Мокеич продолжают спор:

— Двумя килограммами теперь никого не удивишь, народ больше деньгами интересуется,— говорит Федор.

— Не скажи, хлеб — те же деньги.

— А продавать куда поедешь? Кабы мы под городом жили.

Сергей Иванович, похлопав ладонью по печке, спрашивает Наталью Авдеевну:

— А сколько будет стоить переложить ее на русскую?

— А на что она тебе в правлении? — удивляется та.

— Так, интересуюсь...

— Да сот шесть печник возьмет, ну и харч да пол-литра каждый день — это уже как пить дать.

Сергей Иванович кивнул, отошел к столу, сел и похлопал ладонью.

— Садитесь, товарищи, начинаем.

И когда все сели, поднялся и заговорил:

— Вот у меня одно внеочередное предло-

жение. Вы знаете, товарищи, что сейчас во многих колхозах начали строить новые дома для колхозников. Надо бы и нам подумать над этим, тем более что у нас есть люди, которым просто необходимо... помочь.

— Читали мы про это,—вздохнул Федор.— Да ведь это пока только богатым колхозам под силу.

— Давайте только не прибедняться!— поднял руку Сергей Иванович.— Если мы уже сейчас начнем делать кое-что для наших лучших людей, то тем скорее и миллионерами станем... Это будет очень хорошим стимулом...

— А когда строить?— спросил Федор.

— Хоть завтра. А сейчас я предлагаю, пока мы еще не обжились тут, передать этот дом Нюре Макаровой.

— Вот те на! Это почему же так?— возразил Мокеич.

— Ей нужно уйти от своей тетки. И вы все знаете, почему. Она очень хорошая девушка, отличная работница... а живет очень трудно... Мне говорили, что она часто ночует на ферме, лишь бы домой не идти...

— Так она же давно с Петькой Гордеевым гуляет,— воскликнула какая-то женщина.— Пусть замуж выходит.

— У Гордеевых в избе и так народу полно,— заметила Наталья Авдеевна.

— А нам опять в сельсовете ютиться?

— Видите ли, товарищи, то, что нам в сельсовете тесно, это неудобно, но делу не мешает... А вот если мы примем решение передать этот дом Макаровой и все будут знать, что каждый год мы будем строить для колхозников хотя бы три-четыре новых дома,— вот это будет огромная польза для самого главного нашего дела. Неужели непонятно?

— Да все давно поняли!— рассердилась вдруг Наталья Авдеевна.— Просто каждый сидит и думает, а почему это такой кусок Нюрке отваливается, а не ему!

И все рассмеялись не без смущения.

Вечер. Окна одной из изб облеплены детворой. Из избы слышатся звуки гармошки, шум, стук каблуков. Но вот музыка стихла, а шум усилился. Кто-то из мальчишек крикнул:

— Сейчас пойдут!

И все отбежали от окна и скопились перед крыльцом.

Один за одним из дома выходили смеющиеся, раскрасневшиеся люди, кое-кто уже не совсем твердо стоял на ногах. Женщины несли какую-то посуду, блюдо со студнем. Толстая кума шла в обнимку с четвертью. Макариха прижимала к груди рыжего кота. В середине шли жених и невеста — Нюрка с Петькой. За ними — Стешка, Федор, потом гармонист и вокруг него парни и девушки...

Процессия направлялась к бывшему правлению, которое теперь предназначалось для Нюрки.

У крыльца все остановились и притихли. Макариха вышла вперед и пустила через порог кота. Кот, точно сознавая важность момента, степенно пошел вперед, принюхиваясь и задрав хвост трубой.

— Пошел, пошел!— заговорили, засмеялись гости.

— Давайте, теперь хозяева!

Смущенная и взволнованная, переступила порог Нюрка рука об руку с Петькой.

Рявкнула гармошка, толпа повалила за ними в избу. Кто-то, входя последним, шмякнул об порог старый горшок, разлетевшийся вдребезги.

...И вот изба полна уже народу.

— Хозяйка, обноси гостей!— потребовал кто-то. Кума стала наполнять стаканы, стоящие на подносе. Нюрка взяла поднос и стала обходить гостей. Подошла к Сергею Ивановичу.

— Пожалуйста, Сергей Иванович, я вам так благодарна. Вы столько для меня сделали!

— То ли еще будет?— засмеялся Сергей Иванович, беря стакан.— Хочешь, пошлем тебя в город учиться? Стипендию от колхоза определим. Вернешься — станешь заведующей фермой. Знаешь, какая у нас к тому времени ферма будет? Ого!

— Сергей Иваныч, Сергей Иваныч, давай с тобой чокнемся! Светлая ты голова, Иваныч, и дай тебе бог... — пьяненький Мокеич потянулся к нему стаканом.

Таня, стоявшая невдалеке, слушала этот разговор и смотрела на председателя восхищенно и грустно... и точно так же смотрела на него с другой стороны Стешка — и такой мы ее еще не видали...

Было уже совсем темно, когда Сергей Иванович вышел на крыльцо освежиться. Задумчиво улыбаясь, слегка хмельной, он медленно побрел по тропинке, ведущей мимо двух домов. Вдруг он остановился и прислушался.

Откуда-то из темноты донеслись заглушенные рыдания.

Он свернул с тропинки и увидел, что возле копны сена, стоящей за огородом соседнего дома, белеет фигура лежавшей навзничь плачущей женщины. Он подошел еще ближе, вгляделся и узнал Стешку.

— Степанида? Что с тобой?— он нагнулся, тронул ее за плечо и осторожно спросил:— Обидел кто?

— Обидели!— с иронией повторила Стешка.— Обиды свои я уже давно выплакала! Нет теперь такого человека, чтоб обидеть меня мог.

— А... что же ты... тут?

Стешка помолчала и вдруг, повернувшись к нему, выпалила:

— Завидно! Можешь это понять, «светлая ты голова»!— передразнила она Мокеича.

— Могу, если объяснишь,— все больше и больше удивляясь ей, ответил Сергей Иванович.

— А чего объяснять? Думаешь, я всегда такая была? Я тоже жизнь весело начинала, вроде них!— мотнула она головой в сторону Нюркиной избы, откуда по-прежнему доносились гармошка и смех.— Да вот кончать ее приходится по-другому...— и она закусила губу, чтобы не разрыдаться снова.

— Что же с тобой случилось, Стеша?— мягко спросил Сергей Иванович, тронутый ее откровенностью, и сел рядом.

— А то и случилось! Как ушел мой парень на войну — я сил своих не жалела, старалась для колхоза, как могла. Потом получила похоронную. Три дня пролежала без памяти и опять за работу. Мне ведь тоже тогда колхоз домом отчим был. И выбрали меня в сорок четвертом председателем.

— Ты была председателем? — не смог скрыть изумления Сергей Иванович.

— А что, не веришь?— горько усмехнулась она.— Была и управлялась. А потом вернулись мужики, и меня, значит, как бабу, долой. И добро бы хозяйствовали, как положено,— все бы простила! Так нет, пошли пьянки да гулянки, народ стал разбегаться — такая карусель началась! Все мужики в председателях переходили, чужих стали привозить. А обо мне хоть бы одна собака вспомнила. Дескать знай, баба, горшки да ухваты!.. Вот и обозлилась я на весь свет...

— А на меня за что?— мягко улыбнулся Сергей Иванович.

— А ты что, чище всех острижен, что ли?— сквозь набежавшие слезы улыбнулась Стешка.— Хоть и видела, что непохож ты на других, а остановиться уже не могла. Да и ты-то тоже больно скоро стал глядеть на меня, как на пугало...

— Прости... Не знал...

— Бог простит!— буркнула вдруг сердито Стешка, отворачиваясь.— Мне теперь прощенья эти нужны, как рваный лапоть на троицу!

— Ну что ты в самом деле!— с досадой сказал Сергей Иванович.— Прямо ерш какой-то... Ты же все-таки женщина.

— А-а... разглядел! Спасибочки!— и Стешка насмешливо обернулась к нему.— А я уж думала, что ты на прокисшем тесте замешан!

— Ну вот еще! Что же я, не человек?— смутился Сергей Иванович.

— А кто тебя знает?— снова усмехнулась Стешка.— На меня ни один мужик не может пустым глазом глянуть. Один ты как-то схитрился...

Сергей Иванович засмеялся и махнул рукой.

— Ну ладно! К чему эти разговоры про глаза? Давай лучше вернемся...— он хотел подняться, но Стешка удержала его за руку.

— Обожди... Чудак! Для женщины это самый интересный разговор.— И, понизив голос, спросила:— Вот ты, к примеру, знаешь, какие у меня глаза? Синие или черные?..

— Зеленые!— попробовал отшутиться Сергей Иванович. Он хотел подняться, и снова Стешка удержала его.

— А ты посмотри лучше,— шепнула она, наклоняясь к нему.

Широко открытые глаза женщины так близко придвинулись к нему, что Сергей Иванович, невольно взглянув в них, не смог оторваться сразу.

Наконец, встряхнув головой, он отвел взгляд.

— Не нужно, Стеша,— глухо сказал он.— Не люблю я такие забавы...

— А если я не шучу?— задыхаясь, спросила Стешка, подвигаясь к нему.— Если я и позаправду хочу... человеком стать?

— Не с того начинаешь. Человеком на работе становятся...

— Так что работа?— тоскливо качнула головой Стешка.— Одним крылом сколько ни махай, все равно не поднимешься... Это вы, мужики, умеете, а я баба!

— А муж?— напомнил он.

— Ну какой он мне муж! — с горечью вырвалось у Стешки.— Глаза бы мои на него не смотрели!..

— Так мало ли на свете хороших людей...

— А мне всех не надо!— порывисто воскликнула Стешка.— Мне бы одного... Вот такого... Тебя! А я бы уж так тебя любила!.. Я ведь никого... никого еще по-настоящему...— она вдруг всхлипнула и припала к нему головой.

Сергей Иванович в первый момент отпрянул, но она еще тесней прижалась к нему, обняв его руками. И тогда со смутной, растерянной улыбкой он положил ей руку на голову и... погладил.

Раз и другой, сам удивляясь тому, что делает.

Неумолчно шумит вода на плотине, гладкой зеленоватой струей падая вниз. А снизу поднимаются плотные, густые клубы тумана. Прибрежная трава и кусты поседели от густой росы. Солнце еще не всходило. Редкие, неподвижные облака были серые, и только высоко над ними плыли два маленьких облачка, уже окрашенные солнцем в нежно-розовый цвет.

Тонкими, неумелыми голосами кричат молодые петушки. Протяжно и чуть печально звучит над селом рожок пастухов — старого седого деда и подпаска. Густым приглушенным мычанием отвечают ему коровы в хлевах. Хлопают ворота. Сонные хозяйки, кое-как прикрывшись платками, выгоняют коров.

Легко и живо, как выпорхнувшая из гнезда птица, выбежала из избы и Стешка. Окинув взглядом двор, быстро отставила от крыльца вилы, переставила от ворот хлева грабли, открыла дверь и выпустила корову.

Вся она точно светилась изнутри огромной радостью и что-то напевала без слов.

Толстуха-кума, выйдя проводить свою корову и сунув со льстивой улыбкой что-то в сумку пастуху («На-ка вот, дедушка Евсей, да поглядывай за моей Машкой»), изумленно вытаращила на нее глаза:

— Что это ты распелась спозаранку?

— Не скажу!— затрясла головой Стешка, не в силах, однако, скрыть улыбки и переполнившей ее радости и убежала во двор.

Открыла курятник, плеснула курам воды— все бегом — и снова скрылась в доме...

...А в комнату вошла тихо-тихо, на цыпочках, боясь разбудить спящего на кровати Сергея Ивановича. Постояла около него не-

много, не спуская с него глаз. Потом тихонько подвинула маленькую скамеечку, села на нее возле кровати и, прижавшись щекой к его свесившейся руке, замерла со смутной улыбкой. А потом и вовсе закрыла глаза.

Раскрасневшееся точно со сна солнце огромным шаром выкатилось на верхушки леса и стало быстро набирать высоту, постепенно бледнея и уменьшаясь в размерах. И засверкала, заискрилась разными цветами доселе одноцветная белесая роса на траве.

...Дед Авдей добросовестно и тщательно выполняет свои утренние обязанности — колет секачом лучину для самовара. Наталья Авдеевна в фартуке, с засученными рукавами сметает со стола остатки муки.

В избу входит сонная, улыбающаяся Таня.

— С добрым утром! Ой, чем это так вкусно пахнет?— тянет она в себя воздух.

— Хлебы я посадила,— улыбается Наталья Авдеевна и заглядывает в большую кружку на столе. Там, на дне залитый кипятком, лежит кусок теста.

— А что это там?— заглядывает в кружку Таня.

— А вот, как всплывет тесто, так и хлеб готов!

Таня удивленно покрутила головой.

— Интересно! А что... Сергей Иванович не встал еще?

— Да его вроде и нет на погребе...— ответил дед.

Таня озадаченно вскинула брови.

А Сергей Иванович стоял посреди Стешиной избы и застегивал рубашку. Вошла Стешка. В руках у нее был марлевый кулек.

— Встал уже?— просияла она.

Она выложила из марли на тарелку творог, вытерла руки о передник.

— Ну, садись завтракай, все уже готово...

Она подошла к нему, и как измученный жаждой путник все снова и снова припадает к ручью, так и Стешка прильнула к Сергею Ивановичу...

Он обнял ее и ласково и смущенно похлопал легонько по плечу, но, увидев настежь раскрытые окна, отстранился.

— Что ж ты окна-то открыла?— мягко упрекнул он ее.

— А пусть смотрят. Я не боюсь!— широко улыбнулась она.

Сергей Иванович взял ее голову в ладони.

— Хитришь?

— Хитрю!— честно призналась она, не отводя глаз, и снова припала к нему.— И хитрить буду, и лукавить буду, и настежь распахнусь, а от тебя теперь — никуда!

И снова Сергей Иванович опустил руку на ее голову и задумчиво улыбнулся. А она закрыла глаза, упиваясь этой скромной лаской.

В избе Буяновых пьют чай. Все как обычно сидят на своих местах. Сипит и словно мурлычет, как кошка, самовар на столе. Аккуратно колет сахар, ссыпая крошки в стакан, Наталья Авдеевна. Степенно отхлебывает чай с блюдечка дед.

Таня рассеянно мешает ложкой в стакане, глубоко уйдя в какие-то тревожные мысли, будто сердце предсказывает ей беду.

Потом она поднимает голову и спрашивает:

— А он ничего не сказал вчера?

Мать делает неопределенный жест — нет, мол.

— Может, в Поповку уехал?

— Да что тебе за печаль?— спрашивает дед.— Человек он занятой, у него дел — выше шапки...

Таня умолкает, делает два глотка и выходит из-за стола.

— Куда ж ты? А завтракать?— всполошилась Наталья Авдеевна.

— Не хочу.

Таня ушла. Наталья Авдеевна переглянулась с дедом.

— Ну чисто сохнет девка!— проворчал дед.— Отказать ему, что ль, от квартиры?..

— Бог уж с ними, с деньгами...— махнула рукой Наталья Авдеевна.

Таня медленно брела по улице, глядя под ноги. А когда подняла голову, оказалась возле правления. Поколебавшись немного, она подошла ближе и, привстав на цыпочки, хотела уже заглянуть в окно, как вдруг ее остановил голос за спиной:

— Ты чего высматриваешь?

Таня вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла Стешка и пристально смотрела на нее.

И от этого взгляда Таня смутилась и насторожилась еще больше.

— Ищешь кого?— снова спросила Стешка.

Таня отрицательно покачала головой, не спуская с нее глаз.

— И не ищи!— многозначительно сказала Стешка.

Таня вопросительно вскинула брови.

Стешка криво усмехнулась.

— Полно прикидываться! Нет его здесь. А и будет когда, так не ищи и не засматривайся!

У нее даже ноздри затрепетали и глаза блеснули недобрым огоньком.

Таня опустила глаза, а когда подняла их снова, то это был уже вполне овладевший собой человек. И она, удивленно глядя на Стешку, ответила:

— Я не понимаю, о чем вы говорите?

— Зелена ты еще, девка, чтоб меня перелукавить,— прищурилась Стешка.— Я в эти игрушки играла, когда ты еще в зыбке качалась. Так вот, говорю тебе напрямик — ты на моей дорожке не становись, председателя не ищи и смотреть на него бойся.

Каких бы усилий это Тане ни стоило, но она сумела сохранить спокойствие и не дрогнуть взглядом.

— Теперь понимаю... Вы его любите?

— Я? — Стешка изумилась этому прямому вопросу и, помолчав, буркнула несколько смущенно.— Не любила, так не стала бы об этом с тобой говорить...

— А он вас?

И этот спокойный тон и прямой вопрос, сопровождаемый таким же прямым и пытливым взглядом, ошарашили Стешку и окончательно сбили с нее запал.

— Полюбит! Полюбит — чую! Только бы ты не помешала. Сроду никого не просила об этом — тебя первую! — Она умоляюще посмотрела на нее и схватила за руки.— Ну что тебе в нем? Как приехала, так и уедешь, а мне тут все — и начало и конец.

— Почему? — все тем же кажущимся бесстрастным голосом спросила Таня.

— Так уж. Ты, должно, еще и не целовалась по-настоящему. Вон у тебя губы-то какие! А я уже счет этому потеряла и знаю настоящую цену всему...

Таня опустила глаза, потом снова посмотрела на нее.

— Ну что ж... Желаю вам счастья,— ровным, спокойным голосом сказала она.

И быстро пошла прочь, скрывая набежавшие слезы.

Стешка смотрела ей вслед, сдвинув брови. Что-то еще мучило ее и мешало успокоиться.

— Погоди!

Она догнала Таню и заглянула ей в лицо.

— Ты молодая. Будет у тебя еще и любовь и счастье, а для меня все это в последний раз... Постой, никак, ты плачешь?

— Что вы?— бесстрастно подняла на нее Таня глаза, полные слез.— Вам просто показалось! Мне ведь все это безразлично!— И она еще быстрее зашагала дальше.

Стешка постояла на месте, опустив голову, потом взглянула ей вслед и быстро пошла в другую сторону.

Медленно, с застывшим лицом и словно сжавшись душой в комок, шла Таня к дому.

Вот она замедлила шаги. Потом глаза ее загорелись решимостью, и она пошла быстрее и еще быстрее.

В дом она вошла порывисто, с лихорадочным блеском в глазах. И сразу стала оглядываться по сторонам.

— Где мой чемодан?— отрывисто спросила она.

— В сени я его вынесла,— медленно ответила мать, вглядываясь с испугом в ее лицо.— Уезжать надумала?

— Да! Сегодня! Сейчас!— Таня выбежала в сени.

Мать вышла за ней. Таня стояла посреди сеней с остановившимся взглядом и точно забыла, зачем она вышла сюда.

— Что случилось, Танюша?— тихо спросила она.

Таня затрясла головой и ринулась в огород.

Наталья Авдеевна проводила ее сокрушенным взглядом, вошла в избу, бесцельно постояла там, переставив зачем-то с места на место пустую крынку. Потом снова вышла в сени. Ее, как магнитом, тянуло вслед за Таней, и она не смогла удержаться: поколебавшись, вышла в огород.

Таня сидела на старой коряжине, такая убитая и подавленная, что Наталья Авдеевна невольно беззвучно всплеснула руками за ее

спиной. Потом бросилась к ней, обняла и заглянула в лицо.

— Что с тобой, доченька?— страдая не меньше ее самой, спросила она.—Что же ты таишься от меня? Неужто еще не признала?

Таня медленно повернула к ней лицо, увидела ее глаза, полные участия, любви и страдания, и губы ее дрогнули, но она ничего не ответила ей. Просто не смогла.

Наталья Авдеевна привлекла ее к себе.

— Что ж ты прячешь от меня сердечко свое? Думаешь, я не вижу, не знаю? Все вижу, и все знаю. Какая-никакая, а я тебе мать, под сердцем носила.

Ласковый голос и добрые руки, обнимавшие ее, а может и сердце, удары которого она могла услышать, сделали свое дело, и Таня заплакала, уткнувшись ей в грудь.

И хоть Наталья Авдеевна сама готова была заплакать, слабая, счастливая улыбка осветила на мгновение ее измученное лицо.

— Ну вот, давно бы так. Поплачь, поплачь... Горе, что лед,— с водой пройдет!

И она гладила, гладила дочку темной, с растрескавшейся кожей и синими жилками рукой.

...А потом они сидели в сенях на Таниной кровати. Опершись руками на согнутые колени, Таня слушала мать с широко открытыми глазами. А та, задумчиво улыбаясь, рассказывала:

— И вот, значит, выступает он перед мужиками, про колхоз говорит, а я вижу, глазищи у Фролова злые, и все он с Демьяном горбатым шепчется... У меня прямо сердце так и захолонуло — быть беде!.. И правда, вечером на посиделках Сашка Фролов затеял драку. Отец твой кинулся разнимать, и тут они на него набросились — только и ждали, значит, этого...

Глаза у Тани еще больше раскрылись...

— А папа?

— Что ж он мог? Их шесть человек с кольями да свинчатками. Выволокли его на двор, и я только слышу удары, как шубу выбивают. Это по живому-то телу...

Таня закусила губу...

— Я уж сама не помню, как выскочила на улицу да закричала: «Милиция!» Они и разбежались. Я его скорей к себе... в избу... Дед-то твой испугался сначала,— усмехнулась она,— ну я на своем ностояла... Выходила... А потом и поженились...— И она замолчала, задумавшись о прошлом.

Таня смотрела на мать такими теплыми глазами, каких мы у нее еще не видели. А потом она, дотронувшись до ее руки, тихо спросила:

— Ты его очень любила?

И старая женщина, не привыкшая говорить о любви, застеснялась, опустила глаза и как будто даже покраснела.

— Да уж любила...— еле слышно шепнула она.

Таня засмеялась, вскочила и, крепко поцеловав ее в щеку, побежала в избу. И сразу в глаза ей бросились три портрета над комодом.

Она медленно подошла к ним и остановилась, вглядываясь поочередно в лица своих братьев и отца.

Сзади бесшумно подошла мать и остановилась рядом. Таня оглянулась на нее и, застенчиво улыбнувшись, прислонилась щекой к ее плечу...

И вот снова ранним утром звучит над селом пастуший рожок. Наталья Авдеевна не слышит. Тогда дед, привстав на кровати, будит ее:

— Наташка! А, Наташк! А, чтоб тебя! Корову-то выгонять пора!

Наталья Авдеевна, спавшая на сундуке в углу, открывает глаза и сразу вскакивает.

— Ах ты, батюшки! Проспала, окаянная!

Зевая и крестясь, она набрасывает наскоро платок и спешит в сени.

И останавливается у дверей, услышав тоненькие и характерные звуки бьющих в подойник струек молока. Тихонько ахнув, она переводит взгляд на Танину постель и видит, что она пуста.

...И в самом деле, Таня сидела возле коровы и с сосредоточенным видом неумело доила ее, то и дело посматривая на хвост и уклоняясь от него.

Наталья Авдеевна с тихой и растроганной улыбкой посмотрела на нее, а потом заметила:

— А хвост подвязать надо, доченька. А то, неровен час, по глазам стеганет.

— Я сама! Сама!— поспешно ответила Таня, увидев, что мать намеревается сделать это.

— Ну сама, так сама,— ласково ответила Наталья Авдеевна и вышла.

И в сенях остановилась со счастливой улыбкой, тихонько улыбаясь и покачивая головой.

Стешка выгнала корову, заперла за ней ворота и тихонько на цыпочках вошла в избу.

Но Сергей Иванович сидел уже одетый и наскоро закусывал хлебом с молоком.

— Опять?— всплеснула Стешка руками.

— Так ведь надо же проверить, а то ребята мои опять, наверное, запороли там,— оправдывающимся тоном ответил он.— Ну и углы выложить, они же этого еще не умеют...

— Так и будешь — днем похваливать, а по утрам переделывать?— сокрушенно спросила Стешка.

— Да какие там переделки, так немножко, поправить кое-где.

— Ну тогда и я с тобой!— решительно ответила Стешка и стала одеваться, чтобы выйти на улицу.

— А может, не стоит? — нерешительно спросил Сергей Иванович.— Увидят, разговоры пойдут...

Стешка пристально взглянула на него, и лицо ее омрачилось.

— А ты боишься? — отвернувшись, спросила она.

И Сергей Иванович услышал в этом вопросе горький упрек. Он встал и обнял ее.

— Ладно, пойдем. Вместе так вместе!

И Стешка ответила ему благодарным и сияющим взглядом.

Вечернее заходящее солнце, раскалив докрасна облака, придало всему красноватый отблеск, даже траве и деревьям.

Таня остановилась против большого старого здания школы, подумала и, толкнув калитку, вошла за ограду.

Перед школой был небольшой сад, видимо, недавно посаженный. На вбитых колышках перед каждой группой деревьев висели таблички: «Участок 4-го класса», «Участок 5-го класса» и т. д.

Задумчиво поглядывая вокруг, Таня поднялась на крыльцо. Видимо, на звук ее шагов из дверей тотчас же выглянула пожилая раскрасневшаяся женщина с растрепанными волосами и мокрой тряпкой в руке.

— Вам кого? Нет заведующей, уехала на два дня!

— А я просто так, посмотреть. Мне ее не надо,— смутилась Таня.

— А чего тут смотреть?— по-прежнему недружелюбно спросила женщина, но, вглядевшись внимательней, воскликнула:

— А-а-а! Ты Натальи Буяновой дочка, что ли?

Таня кивнула.

— Ну входи, входи!— уже совсем по-другому ответила женщина.— Посмотри. Школа у нас ничего. Старенькая только.

Они ходили по коридору, заглядывая из

класса в класс, и женщина без умолку рассказывала:

— Кто на родину, кто на курорт, все разъехались. Осталась только я да заведующая — Елена Павловна. Был у нас ботаник, из Смоленску присланный, думала, будет летом с ребятами работать, и тот удрал. Потихоньку. Не показалось ему, стало быть, у нас. Ну Елена Павловна и осталась. Не бросать же школу! Она в Забодайки поехала, там у нее подружка, тоже заведующая... Ну теперь уже все скоро съедутся.

...А когда Таня, оставив сторожиху домывать полы, вышла на крыльцо, то увидела девушку, чуть постарше себя, тоскливо оглядывающуюся вокруг. У ворот виднелась телега с вещами.

— Здравствуйте!— тихо поздоровалась девушка.— Мне бы директора...

— Вы новая учительница?— догадалась Таня.

Девушка кивнула. Таня уставилась на нее с любопытством.

— А ее нет сейчас. Она будет через два дня только. Никого пока нет, кроме сторожихи.

Девушка закусила губы.

— Как же быть? У меня вещи и вообще...

— А пойдемте ко мне!— предложила Таня.— Вам ведь все равно квартиру снимать. Если понравится, так, может, и останетесь. Мама, наверное, возражать не будет. У нас был жилец, но... переехал. Хотите?

— Ну что ж, все равно...

И вот они стоят в избе перед дедом, и Таня говорит:

— Пусть она пока у нас поживет. До приезда директора. А может, и вообще, если вы с мамой возражать не будете.

— Ну что ж, пускай, пускай, места не жалко,— кивает дед.

Они выходят в сени.

— Ну, вот, вы можете спать тут,— говорит Таня, показывая на свою кровать.— Вы, наверное, проголодались с дороги, сейчас я вас накормлю!

— Нет-нет, спасибо! Я не хочу...

Таня с удивлением посмотрела на нее и только тут вдруг увидела, что у девушки дрожат губы, а глаза полны слез.

— Что с вами, Катя?

— Нет-нет, ничего!— закусила губы Катя, изо всех сил удерживаясь, чтобы не расплакаться.

Таня все поняла и с невольной улыбкой покачала головой.

— Не нравится вам тут?— ласково спросила она, обнимая ее и присаживаясь с ней вместе на кровать.

— Я... Я все время в Воронеже жила, знаете, как там хорошо!

Таня снова улыбнулась.

— Ну а я в Москве... А председатель здешний... очень хороший человек, так он из Ленинграда. Ведь надо же кому-то работать, чтобы и тут было хорошо. Пойдемте, я вам покажу нашу деревню!— Она встала и потянула ее за руку.— Пойдемте!

Катя пошла за ней.

...И мы не слышим, что Таня говорит ей...

на улице...

на плотине у реки...

у строящегося коровника...

у Нюркиного дома...

Но мы видим ее оживленное лицо, блестящие глаза, и нам ясно, что все это говорит она ото всей души, все это стало для нее уже понятным и близким.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию Б. Метальникова «Отчий дом» поставлен на киностудии им. М. Горького в 1959 году.

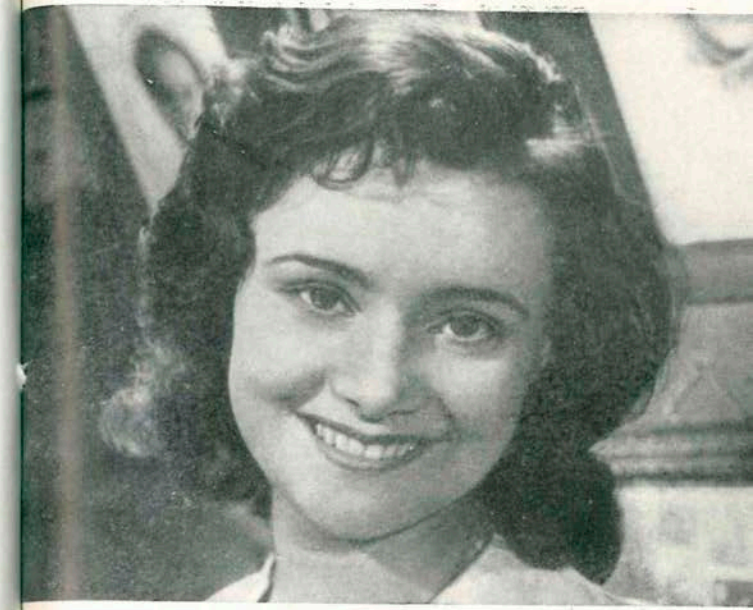
Фильм черно-белый.

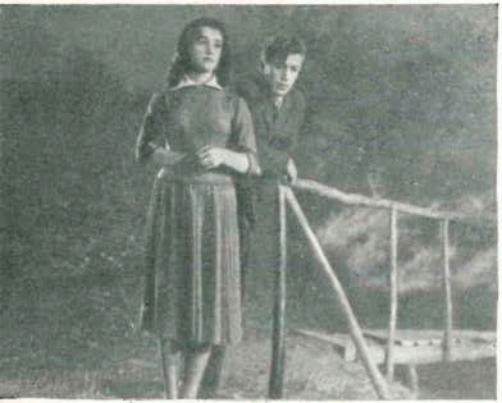
Постановка режиссера Л. Кулиджанова. Оператор П. Катаев. Художники М. Горелик, С. Серебреников. Композитор Б. Бирюков. Звукооператор А. Дикан.

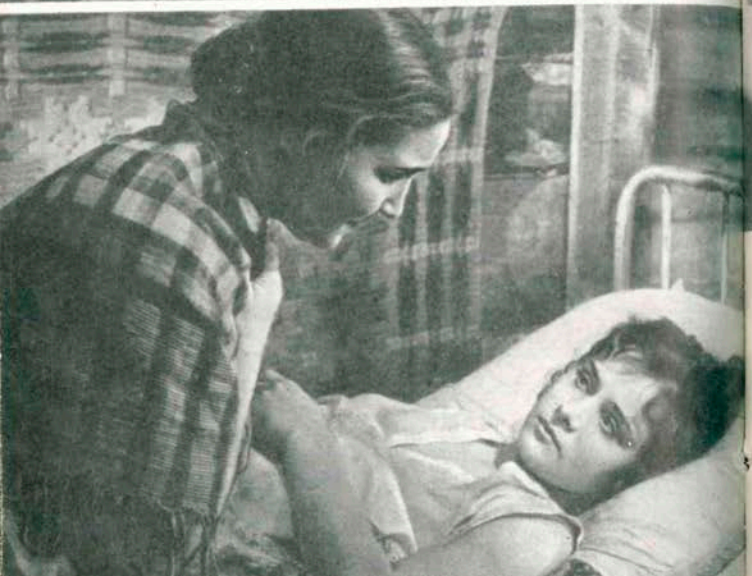
Роли исполняют:

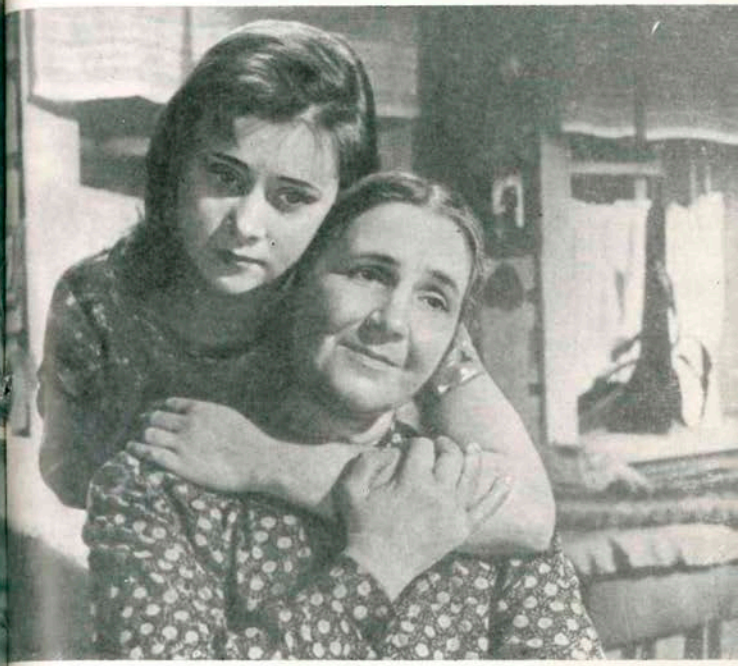
Наталья Авдеевна — *В. Кузнецова.* Таня — *Л. Марченко.* Дед Авдей — *Н. Новлянский.* Сергей Иванович — *В. Зубков.* Степанида — *Н. Мордюкова.* Нюрка — *Л. Овчинникова.* Мокеич — *П. Кирюткин.* Федор — *П. Алейников.* Макариха — *Е. Максимова.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ









Будимир Алексеевич Метальников
ОТЧИЙ ДОМ

Редактор *Т. Е. Королькова*
Оформление художника *Г. А. Кудрявцева*
Художественный редактор *Э. Э. Ринчино*
Технический редактор *В. А. Горина*
Корректор *З. Д. Гусева*

Подп. в печ. 3/XI 1959 г.
Сдано в производство 3/XII 1959 г.
По оригиналу-макету
Форм. бум. 70×92¹/₃₂. Печ. л. 3,5 (условных 4,1)
Уч.-изд. л. 3,78. Тираж 10 000. Ш07919
Изд. № 15 268. Зак. тип. № 1111

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 2 р. 10 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСКУССТВО"
в серии
„БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ"

Выпустило в свет.

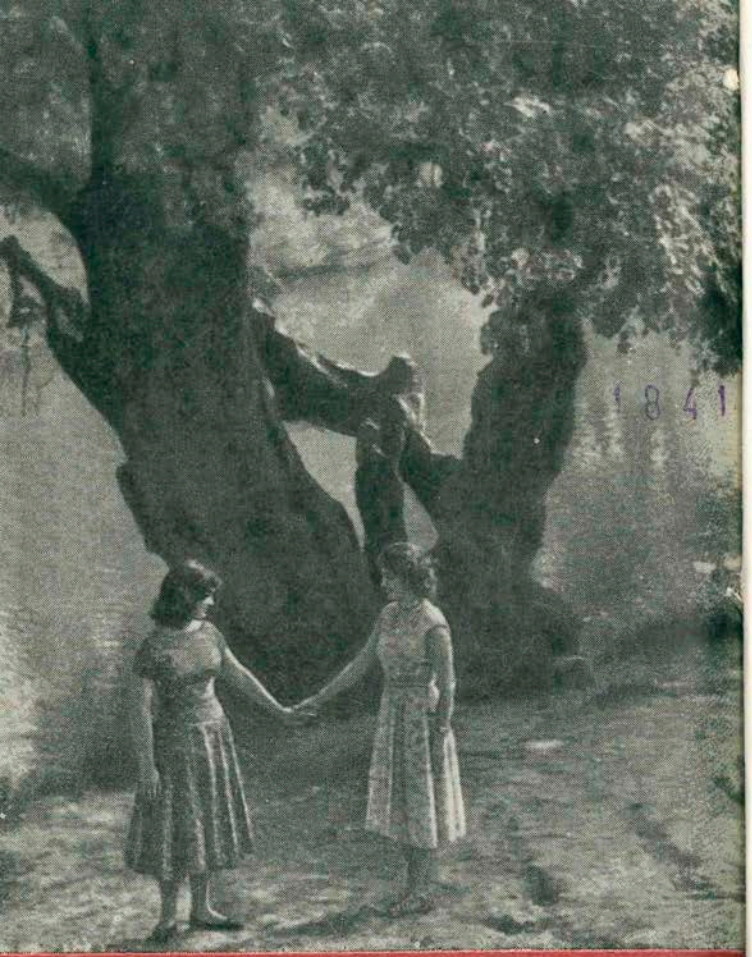
В. Розов. Летят журавли. 1959. 86 стр., цена 1 р. 85 к.
М. Кочнев. Илья Муромец. 1959. 132 стр., цена 2 р. 65 к.
В. Виткович, Г. Ягдфельд. Сампо. 1959. 70 стр., цена 1 р. 50 к.
Б. Метальников, Б. Теткин. Березы в степи. 1959. 101 стр., цена 2 р. 10 к.

Готовит к выпуску:

Е. Долматовский, Ю. Егоров. Добровольцы.
В. Ежов, Г. Чухрай. Баллада о солдате.
В. Беляев. Иванна.
К. Симонов, Шарль Спаак, Эльза Триоле. Нормандия-Неман.
Ал. Попов. Андрейка.

Все эти книги, как и другие издания по вопросам кино, можно приобрести в книжных магазинах, а также заказать их по адресу: Москва, ул. Кирова, дом 6, магазин № 120 Москниготорга, отдел «Книга — почтой».

2 р. 10 к.


1841